

РЮ МУРАКАМИ

МИСО-СУП

Рю Мураками

Мисо-суп

«РИПОЛ Классик»

1997

УДК 821.521
ББК 84.5Я

Мураками Р.

Мисо-суп / Р. Мураками — «РИПОЛ Классик», 1997

ISBN 978-5-521-00662-5

«Мисо-суп» — ярчайший роман в новой японской литературе. Стиль автора страшит и раздражает. Рю Мураками не ведает запретных тем и словесных табу. Но если жесток мир, то почему должна быть покладиста литература? И когда человек находится на грани вырождения, нужен иной язык, чтобы передать весь ужас от свершаемого.

УДК 821.521

ББК 84.5Я

ISBN 978-5-521-00662-5

© Мураками Р., 1997
© РИПОЛ Классик, 1997

Содержание

Глава первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Рю Мураками

Мисо-суп

Глава первая

Зовите меня просто Кенжи. Рад познакомиться, меня зовут Кенжи. Я Кенжи. Вообще-то, звать меня Кенжи... В японском существует немало разных способов представиться собеседнику. «Интересно, почему так? – успел подумать я, пока говорил этому американцу: – Майнэм-из-Кенжи».

– Значит, Кенжи? Прекрасно! – Пухлый турист всем своим видом старательно показывал, что рад нашей встрече.

– Приятно познакомиться. – С этими словами я пожал американцу руку.

Неподалеку от станции «Сэйбу-Синдзюку», в вестибюле одного из тех отелей, которые на Западе относятся к разряду двух- или трехзвездочных, состоялась наша с Фрэнком памятная встреча.

Мне недавно исполнилось двадцать, и я работаю сопровождающим – вожу по Токио туристов-иностранцев, хоть и не слишком силен в языке. Впрочем, клиенты в основном интересуются веселыми кварталами и секс-туризмом, так что моего убогого английского вполне хватает. С тех пор как открыли СПИД, секс-туризм не то чтобы потерял популярность, но люди во всем мире стали вести себя осторожней и держаться подальше от зланных мест. Тем не менее, по Токио ходят толпы иностранцев, которые жаждут повеселиться, и моя работа состоит в том, чтобы показать этим парням более или менее приличные места для развлечений. Я вожу их в кабаре, в массажные клубы, в «садо-мазо» бары и в публичные дома, а они платят мне за это деньги. Начальства у меня нет, да и подчиненных тоже. Один журналчик для иностранцев в каждом номере публикует незамысловатую рекламу моего бизнеса, и все, что я таким образом зарабатываю, я трачу на чистенькую однокомнатную квартиру в Мегуро, на редкие походы в яки-нику¹ со своей девушкой, на любимую музыку и книжки. Кроме того, я еще учусь на университетских подготовительных курсах, но за учебу платит моя мама, она держит в Сидзуоке небольшой магазин одежды. Когда я был в восьмом классе, умер мой отец, и с тех пор мама растила меня одна. В старших классах среди моих дружков встречались и такие, кто мог запросто и без особых угрызений совести поколотить свою родительницу, но я ни разу не поднял на маму руку. Честно говоря, хоть я и знаю, что мама расстроится, я не очень-то рвусь в университет. Для точных наук мне определенно не хватит подготовки, а гуманитарии все как один становятся служащими в корпорациях, другого выбора у них нет. Так что я почти уверен, что затея с университетом провалится. Уж лучше бы мама откладывала эти деньги на то, чтобы я мог потом поехать в Америку...

– Алло? Это офис «Кенжи»? Я турист из Америки. Меня зовут Фрэнк.

Он позвонил мне двадцать девятого декабря, между одиннадцатью и двенадцатью утра. Я как раз прочитал в газете заметку об убийстве старшеклассницы, которая промышляла вместе с другими девушками в окрестностях Синдзюку и, похоже, зарабатывала неплохие деньги. Ее часто видели неподалеку от Окубо на улице лав-отелей. Тело девушки, разрезанное на куски – руки, ноги и голова отдельно, – было найдено на помойке в районе Кабуки-тё. Помойка эта, хоть и расположена в вечно кишашем людьми квартале, место довольно безлюдное.

¹ Букв. «жареное мясо» (яп.); разновидность ресторанов.

Свидетелей пока не обнаружено, что, разумеется, замедляет расследование дела. Конечно, крайне жаль так бессмысленно погибшую девушку, но старшеклассницы должны понимать, к каким ужасным последствиям может привести то, что сейчас принято называть красивым словосочетанием эндзё косай, то есть «субсидированное знакомство»². Подруги убитой – также школьницы, работавшие вместе с ней, – теперь как одна заявляют, что никогда больше не будут заниматься проституцией... – было написано в газете.

– Привет, Фрэнк. Как дела? – как обычно сказал я в трубку, положив газету на стол.

– Вроде все о'кей. Я просто хотел узнать, можно ли сегодня воспользоваться вашими услугами... У меня тут в руках журнал, вернее рекламная брошюра для иностранцев, я, собственно, звоню по номеру, который здесь указан.

– Это, что ли, «Токио Пинк Гайд»?

– Ну да. А как вы догадались?

– Да потому что реклама моего офиса есть только в этом журнале.

– Ясно. Тогда я хочу заказать сопровождающего, начиная с сегодняшнего вечера на три дня вперед.

– Фрэнк, ты один или вас много?

– Один. А вы что, только группы обслуживаете?

– Да нет. Просто на одного гораздо дороже получается. За первые три часа – с шести до девяти вечера – десять тысяч йен. За вторые три часа – с девяти до двенадцати – еще двадцать тысяч йен, а после двенадцати за каждый дополнительный час – надбавка десять тысяч. Налога на добавочную стоимость я не беру, но еда и выпивка – если мы в бар пойдем или что-нибудь в этом роде – за счет клиента.

– О'кей. Нет проблем. Тогда сегодня начнем со второго тайма. То есть с девяти до двенадцати. Нормально? Я могу сделать заказ на три дня вперед?

Три дня – это значит включая ночь тридцать первого. Тут возникала одна проблема. В этом году я пообещал Джун, моей девушке, провести Рождество вместе с ней, но обещания не сдержал. Поэтому я поклялся ей, что по крайней мере в новогоднюю ночь мы обязательно сходим куда-нибудь вдвоем. Эту клятву я дал только вчера. А Джун – как раз из тех старшеклассниц, которые твердо решили не заводить больше «субсидированных знакомств», и когда она выходит из себя, то это просто туши свет. Но деньги были очень нужны... Я работал сопровождающим примерно два года, а мне все никак не удавалось ничего скопить. «Ладно. Тридцать первого вечером навру ему чего-нибудь, закончу пораньше и домой», – подумал я и сказал Фрэнку «о'кей».

– О'кей, – сказал я, – Я буду у отеля без десяти девять.

Фрэнк, потягивая пиво, ждал меня в небольшом баре-ресторане, располагавшемся прямо в гостиничном вестибюле. Он описал себя следующим образом: «Я блондин, склонный к полноте, в профиль немного похож на Эда Харриса. На мне будет галстук с белым лебедем». Впрочем, он был единственным иностранцем в ресторане, так что я его сразу узнал.

– Кенжи, – представился я.

– Фрэнк, – сказал он.

Мы пожали друг другу руки, после чего я внимательно его рассмотрел. Ничего общего с Эдом Харрисом. Ни в профиль, ни анфас.

– Ну что, мы уже выходим?

– Все зависит от тебя, Фрэнк. В журналах токийская ночная жизнь описана не слишком подробно, так что тебе наверняка понадобятся дополнительные объяснения, и в таком случае лучше начать прямо сейчас.

– Здорово сказано!

² Свидания школьниц со взрослыми мужчинами за определенную плату.

– Что?

– Токийская Ночная Жизнь! У меня прямо мурашки по коже от возбуждения!

Я подумал, что Фрэнк похож не на военного или там космонавта, которых обычно играет в фильмах Эд Харрис, а скорее на страхового агента. Правда, я никогда в жизни не видел страхового агента вживую. Так что уж не знаю почему, но любой человек в неброской одежде и с незапоминающимся лицом кажется мне похожим на страхового агента.

– Кенжи, сколько тебе лет?

– Двадцать.

– Я слышал, что японцы выглядят моложе, чем на самом деле, но ты выглядишь как раз на свой возраст. Не на пятнадцать, не на тридцать, а ровно на двадцать.

На работу я обычно надеваю какой-нибудь из двух своих костюмов, купленных по дешевке где-то за городом не помню когда. Зимой поверх костюма ношу пальто и обязательно шарф. Стрижка у меня самая обычная, волосы черные, а не крашенные, как сейчас модно, пирсинга никакого нет. И вообще слишком яркий, экстравагантный стиль, свойственный почти всем работникам злых мест, мне откровенно неприятен.

– Фрэнк, а тебе сколько?

– Мне тридцать пять, – натянуто улыбнувшись, ответил Фрэнк. И я вдруг заметил, что лицо у него какое-то не такое. Казалось бы, самое обычное, ничем не выдающееся лицо, но при этом абсолютно без возраста. Фрэнк сказал, что ему тридцать пять, но при определенном освещении он мог бы сойти и за двадцатилетнего, и за сорокалетнего. Честно говоря, я бы, наверное, поверил, даже если бы он утверждал, что ему пятьдесят.

За всю свою жизнь я в общей сложности познакомился, может быть, с двумя сотнями иностранцев. Почти все они были американцами. Но таких лиц, как у Фрэнка, я еще никогда не встречал. В какой-то момент я понял, что меня смущает. Кожа у этого американца была как будто искусственная. Такую иногда пересаживают тем, кто получил серьезные ожоги.

Пока я над этим раздумывал, в моей голове почему-то всплыла мысль об убитой старшекласснице, про которую я днем читал в газете.

– А когда ты приехал в Японию? – спросил я, прихлебывая кофе.

– Вчера, – ответил Фрэнк, который все это время продолжал медленно потягивать свое пиво. Делал он это очень своеобразно: сперва осторожно подносил стакан к губам, как если бы это был крутой кипяток, и, скосив глаза, вглядывался в белую пену. Потом набирал в рот немного пива и начинал потихоньку глотать – так обычно пьют горькое лекарство. Я подумал, что он, наверное, жуткий скряга. Практически во всех путеводителях, которыми пользуются американские туристы, написано, что в гостиничных ресторанах питаться ни в коем случае не следует: «...Поужинать вполне можно гамбургером в близлежащем фаст-фуде. Гостиничные бары и рестораны в лучшем случае подходят для того, чтобы не спеша выпить немного пива. Кофе в таких местах лучше не пить – очень дорогой напиток. Если же вы хотите сполна вкушать дороговизну первоклассных токийских отелей – закажите себе свежавыжатый апельсиновый сок. Минимальная цена за стакан жидкости, добытой из самых обыкновенных апельсинов, бережно хранимых в умопомрачительном прозрачном холодильнике, составляет восемь долларов, хотя в некоторых местах вас попросят заплатить за этот божественный напиток пятнадцать долларов. И ощущение будет такое, будто вы не сок пьете, а таможенную пошлину, взимаемую японским правительством...»

– Ты по работе приехал?

– Ну типа того.

– Ну и как у тебя здесь дела пошли?

– Хорошо пошли. Я вообще-то занимаюсь импортом радиаторов. Знаешь «Тойоту»? Я импортирую их радиаторы из Юго-Восточной Азии. Ну и приехал сюда по поводу лицензион-

ного договора. До этого я уже несколько раз посылал им платежное поручение по интернету, так что все свои дела за день уладил. Представляешь, какой идеальный расклад?!

Мне этот расклад показался подозрительным. Даже в Японии к двадцать девятому декабря у всех начинаются выходные, а уж в Америке и подавно все закрыто – рождественские праздники в самом разгаре. К тому же ни этот отель, ни сам Фрэнк никоим образом не вписывались в натюрморт с «Тойотой», интернетом и лицензионным договором. Я по своему опыту знаю, что американские бизнесмены, приехавшие по делам в Синдзюку, обычно останавливаются в одном из четырех отелей: «Парк Хайат», «Сенчюри Хайат», «Хилтон» и «Кэйо Плаза». Кроме того, если речь заходит о подписании важного договора, деловые люди всегда прилагают максимум усилий, чтобы выглядеть представительно, а костюм Фрэнка, нехорошего грязно-кремового цвета, на вид был еще дешевле, чем мой из серии «костюм-тройка-со-сменными-брюками-для-молодых-мужчин-только-у-нас-по-супер-цене-двадцать-девять-тысяч-восемьсот-йен». Брюки были почти на размер меньше, чем нужно, и казалось, вот-вот треснут по шву прямо в паху.

– Ну, главное, чтобы дела шли хорошо. А вообще, куда бы ты сегодня хотел сходить? Чем заняться? – спросил я.

В ответ Фрэнк смущенно улыбнулся:

– Сексом.

Такой улыбки я не видел еще ни у одного американца.

Не только в Америке, но и в любой другой стране мира люди далеки от совершенства. У всех есть достоинства и недостатки. Это я твердо усвоил после двух лет работы сопровождающим. К достоинствам американцев в целом можно отнести их открытость и наивность, а к недостаткам – полное неприятие ими мировых, внеамериканских ценностей. Нечто похожее свойственно и японцам, но не в такой степени. Все-таки американцы уж слишком активно навязывают другим то, что кажется им правильным и хорошим. Именно поэтому, когда я работаю с ними, они запрещают мне курить, а иногда почти силой тащат с собой на вечернюю пробежку.

А если в двух словах, то американцы ведут себя как дети. И улыбаются тоже как дети – широко и дружелюбно. Вид смущенно улыбающегося американца меня всегда умиляет. Роберт Де Ниро, Кевин Костнер, Брэд Питт и другие американские актеры наглядно доказывают своим примером, что умение обаятельно улыбаться – это основная черта национального характера.

Однако смущенная улыбка Фрэнка меня несколько не умилила. Скорее напугала. Искусственная кожа задвигалась, покрылась замысловатыми морщинами, и на какой-то миг мне показалось, что его лицо разваливается на куски.

– Ты знаешь, я читал в «Токио Пинк Гайд» о всяких интересных местах...

– Фрэнк, скажи мне, ты какой «Токио Пинк Гайд» читал? Журнал или нет?

– Журнал. Но книгу я тоже читал. Только в книге не было твоего телефона.

«Токио Пинк Гайд» – это классика. Эту книгу написал Стивен Лэнгхорн Клеменс, автор, обладающий отличным чувством юмора. Он знакомит читателя со значимыми районами Токио, описывает хостесс-бары, хост-бары, пип-шоу, стриптиз-клубы, массажные кабинеты, отели со специфическими услугами для постояльцев и прочие заведения самой разной направленности – от садо-мазо баров до мест, где собираются геи и лесбиянки. Единственная проблема в том, что книга уже устарела. Увеселительные заведения появляются и исчезают каждые три месяца. Правда, существует журнал с таким же названием, в котором я и разместил свою рекламу, но он выходит только раз в полгода. Так что совсем свежей информации в нем тоже не найдешь.

Понятно, что если бы журналы для иностранцев могли писать обо всех новинках, да еще и вовремя, то не было бы нужды в таких, как я, но мне кажется, что в Японии никогда не будут издавать ежемесячные детальные путеводители вроде «Токио Уолкер» на английском. Это просто нереально. В этой стране вообще никто не заботится об иностранцах. Если возни-

кают какие-то проблемы, иностранца по-быстрому высылают отсюда, и дело с концом. Собственно говоря, именно поэтому и появляется спрос на услуги сопровождающих. Впрочем, несмотря на резко выросшее число больных среди самих японцев, шумиха вокруг СПИДа привела к тому, что подавляющее большинство заведений вообще предпочитают не обслуживать иностранцев.

– Я много куда хочу сходить. Хорошенько все распробовать, развлечься, – сообщил Фрэнк и снова смущенно улыбнулся. Я инстинктивно отвел глаза в сторону. – Если верить книге и тому журналу, то тут у вас огромный выбор развлечений. Прямо секс-универмаг какой-то. Разве не так? – С этими словами Фрэнк порылся в темно-коричневой сумке, лежавшей на соседнем стуле, извлек из нее «Токио Пинк Гайд» и положил на стол. Это был журнал, а не книга. Тоненький такой, на обложке фотографии – ужасного качества. Я уверен, достаточно одного только взгляда на этот журнал, чтобы понять, что внутри описываются всякие гадости. Эту... мм... скажем так, брошюру издавал некто Ёкояма, бодрый дядечка лет пятидесяти, который раньше работал в информационном отделе на телевидении.

Ёкояма всегда относился ко мне очень хорошо. Он абсолютно ничего на мне не зарабатывал – даже не брал с меня плату за рекламное объявление. У него была довольно своеобразная идеология. Он считал, что Япония должна гораздо активнее презентовать себя иностранцам. «Наиболее эффективная презентация, – говорил он, – это спорт, музыка и секс. Секс раскрепощает, и поэтому секс – самый лучший способ познакомить иностранцев с Японией». Ёкояма занимался изданием журнала, практически не получая никакой прибыли, и частенько называл себя «волонтером», но вообще-то он, конечно, был самым натуральным старым извращенцем.

– Просто удивительно, сколько разных способов удовлетворить свои потребности существует в этой стране... Я обязательно хочу пойти в Кабуки-тё³! Я, пока тебя ждал, по карте посмотрел – это отсюда в двух шагах. Вот, посмотри сам. На этой карте значками отмечены всякие интересные заведения. Кабуки-тё прямо как созвездие Андромеды. Видишь, сколько значков? – Фрэнк сунул журнал мне под нос.

Это был так называемый «Секс-план Токио». Заведения обозначались специальным значком, изображающим голую женскую грудь. Значки довольно густо покрывали карту в районе Роппонги, в Шибуя, в Кинситё и в Ёсивара. Немало значков было и в Синдзюку-Нитёмэ, а также в близлежащих от Токио Каквасаки, Чибэ и Йокогаме. Но, разумеется, все эти районы ни в какое сравнение не шли с Кабуки-тё. В промежутке между театром «Кома» и зданием районной администрации скопления нарисованных сисек напоминали огромные виноградные гроздья.

– Ну, Кенжи, с чего начнем?

– Я так понял, ты хочешь за сегодняшний вечер попасть в максимальное количество мест.

– Ну да.

– Подумай хорошенько. Потому что если тебе просто перепихнуться нужно, то тогда лучше заказать девочек прямо сюда, в твой номер. Это самое быстрое. А если ты хочешь пройтись по разным местам, то я, конечно, все понимаю, но это будет стоить денег.

Бар-ресторан, в котором мы сидели, был совсем маленьким. Фрэнк говорил довольно громко, и сначала посетители, а вслед за ними и официант начали недовольно на нас поглядывать. И хотя вероятней всего английского они не знали, у меня появилось впечатление, что они прекрасно догадываются, о чем мы говорим.

– Ну, если дело только в деньгах, то можешь не беспокоиться, – ответил мне Фрэнк.

Несмотря на приближающуюся новогоднюю ночь, жизнь в Кабуки-тё шла своим чередом. На узких улочках как всегда царил оживление. Раньше посетителями здешних мест были в

³ Самый дешевый из веселых кварталов Токио.

основном зрелые дядечки, но в последнее время появилось много молодых людей. Похоже, что юношей, которым неохота тратить время на поиски любимой девушки, ухаживания и тому подобную чепуху, становится все больше. На Западе они, наверное, подались бы в геи, но в Японии у них есть другой выход – веселые кварталы.

Восхищенный неоновой рекламой, китч-униформой зазывал и многозначительными взглядами стоящих вдоль улицы женщин, Фрэнк похлопал меня по плечу и сказал:

– Вот это здорово!

Между прочим, Фрэнк, который своим потрепанным и поизносившимся видом довольно сильно выделялся среди посетителей бара-ресторана (тоже, кстати сказать, далеко не самого изысканного заведения), в декорациях Кабуки-тё выглядел вполне уместно. Несмотря на то что он был ниже меня – от силы метр семьдесят – и без пальто, он сразу же слился с окружающим пейзажем и буквально растворился в толпе.

Зазывалами в недавно открывшемся шоу-баре, где клиентов развлекали иностранные танцовщицы, были здоровенные негры. Все как один в красных клубных куртках, они бойко – направо и налево – раздавали флаеры, абсолютно без акцента приговаривая: «А вот кому стриптиз? Если сейчас – семь тысяч йен за час».

Фрэнк хотел было взять у одного из негров флаер, но тот обошел его, словно не заметив, хотя Фрэнк широко улыбался ему и даже протянул за флаером руку. Получилось так, что негр нацелился на небольшую группу японцев, проходивших позади Фрэнка, и кинулся раздавать им рекламные листки. Не думаю, чтобы он сделал это по злему умыслу. То есть вполне может быть, что этот черный зазывала и почувствовал какую-то неприязнь к белому парню, но скорее всего, он просто рассудил, что для заведения толпа пьяных японцев прибыльней, чем один плохо одетый иностранец. В любом случае ничего ужасного, на мой взгляд, не произошло. Однако Фрэнк тотчас же изменился в лице. Я стоял совсем рядом и здорово испугался. Его искусственная кожа натянулась и задрожала, будто все мышцы лица одновременно свело судорогой, глаза потухли и стали совершенно нечеловеческими: глазные яблоки помутнели и сделались вроде шариков из матового стекла.

Негр, похоже, не обратил на эту перемену никакого внимания и спустя несколько секунд протянул Фрэнку флаер и сказал пару фраз по-английски. Из-за шума вокруг я плохо расслышал его слова, но кажется, он сказал, что сегодня у них танцуют не американки, а австралийки и танцовщицы из Южной Америки. Фрэнк тут же пришел в себя. Что-то непонятное, на секунду проступившее в нем, снова исчезло.

– Слушай, ты потрясающе говоришь по-японски, – сказал он негру и взял из его рук флаер. – Ты сам-то откуда?

– Из Нью-Йорка, – ответил негр.

Фрэнк сразу по-дружески сообщил ему, что у «Нью-Йорк Никс»⁴ словно бы второе дыхание открылось:

– Они классно играют в последнее время.

– Ага, – сказал негр и сунул флаер очередному прохожему. – Мы тут про NBA все знаем. Даже знаем, на каком поле играл в гольф Майкл Джордан вне сезона. И сколько он очков заработал. Тут по телевизору все что хочешь показывают.

– Ну надо же... – протянул Фрэнк и похлопал негра по плечу.

– Классный чувак. Просто крутой! – сказал Фрэнк, приобняв меня, и двинулся вперед. Мы дошли до вывески, на которой был нарисован огромный глаз. Фрэнк остановился.

– Я знаю, что это, – сказал он. – Это пип-шоу.

⁴ Баскетбольная команда.

– Это «глазок» – комната для подсматриваний, – объяснил я. – Девушка раздевается, а клиент сидит в кабинке и смотрит на нее через маленькое окошко-глазок, которое устроено так, что девушку видно целиком. В кабинке есть еще дырочка полукруглой формы, в нее клиент просовывает пенис и тогда девушка помогает ему кончить. Раньше «глазки» пользовались большой популярностью, а теперь в них почти никто не ходит.

– Почему?

– Потому что входная плата в «глазок» очень маленькая, а значит, для того чтобы заработать, нужна огромная толпа клиентов. Если клиентов мало – нет прибыли. Если нет прибыли – то хозяину нечем платить девушкам. А молодые девушки не хотят работать в таких местах, где плохо платят. Ну и соответственно, клиенты не желают ходить туда, где нет молодых и красивых девушек. Замкнутый круг.

– А сколько билет-то стоит? Тут написано – три тысячи йен. Это значит двадцать пять долларов, что ли? Кенжи, да ведь двадцать пять долларов за пип-шоу и чтобы тебе еще вдобавок подрочили – это очень дешево. Или я не прав?

– Три тысячи йен – это только за вход. А чтобы тебе подрочили, надо будет доплатить от двадцати до тридцати долларов.

– Вот оно что... Но даже так получается дешево! А кто дрочит? Та девушка, которая раздевается?

– Все не так просто. Ты же не знаешь, что там за стеной творится, когда пенис в дырку суешь. В таком положении ничего не видно. Поэтому начали ходить слухи, что в «глазках» подрабатывают всякие уродливые тетки и гомики, ну и в конце концов это стало совсем непопулярным развлечением.

– То есть ты хочешь сказать, лучше даже не пробовать?

– Ну почему? Зато это дешево, к тому же во время сеанса тебе не нужен переводчик – я могу тебя в каком-нибудь кафе подождать – и тогда ты заплатишь только за себя одного.

Пока мы с Фрэнком обсуждали этот вопрос, нас со всех сторон обступили зазывалы линжери-клуба⁵, которые обо мне, похоже, ничего не слышали, хотя я довольно известная личность в Кабуки-тё. Я, правда, тут же подумал, что из пары сотен человек, которые работали в этом переулке, со мной были знакомы всего лишь четыре десятка – то есть пятая часть. Но это легко объясняется. Ведь идут на такую работу те, кому терять уже нечего. Большинство зазывал либо по какой-то причине не могут устроиться на приличную работу, либо остро нуждаются в наличных. Поэтому люди все время меняются. Но, по крайней мере, советам своих старых знакомых я могу смело доверять.

– Кенжи, что эти люди говорят?

Я перевел, почти слово в слово. Парни вились вокруг нас, приговаривая: «...цена включает все, дополнительно платить не придется; реально – девять тысяч, но в честь новогодних праздников – вход за пять; клуб только что открылся – все новое, девочки свеженькие; заходите, убедитесь сами; иностранцев мы, разумеется, тоже обслуживаем; вот сюда, на один этаж вниз по лестнице, давайте я вам покажу, если не понравится – девочки и все остальное – вы можете уйти; не упустите свой шанс, после праздников вход снова будет стоить девять тысяч, может, попробуете? у нас и караоке есть с песнями на английском...»

Мы кое-как выбрались из толпы назойливых зазывал и пошли дальше. По дороге Фрэнк еще несколько раз обернулся – молодые люди все так же продолжали топтаться на пятачке перед «глазком» – и потом сказал:

– Я слышал, что японцы обходительные, но чтоб настолько!

⁵ Заведение, где клиентов обслуживают девушки в нижнем белье; от *франц.* lingerie – дамское белье.

Зазывалы обычно одеты в такие же дешевые костюмы, как и тот, что на мне. Здесь ведь не Роппонги, а Кабуки-тё, поэтому и среди посетителей тоже почти не бывает хорошо одетых людей. Собственно говоря, зазывала отличается от тех, кого он зазывает, исключительно манерой передвижения: клиент бредет вдоль по улице, а зазывала топчется на одном месте и, если посмотреть на него издали, – выглядит одиноким и потерянным. Почти все мои знакомые, которые давно работают зазывалами, не то чтобы производят впечатление больных или там немощных, но чувствуется в них какая-то уязвленность. При разговоре с ними мне всегда кажется, что мои слова проходят насквозь, как если бы эти люди были абсолютно бестелесны. Я и сам не знаю, отчего у меня возникает это чувство...

– В Америке тоже есть парни, которые стоят на улице и зазывают клиентов, но там такой вежливостью и не пахнет... Подумать только! Будто я бойскаут, а он вожатый и должен объяснить мне, как завязывают морской узел... Неужели у них хватает сил целый вечер быть такими вежливыми?

– А что такого? Они с каждого зазванного клиента комиссионные получают.

– Ясно... Я так и думал. Значит, их словам верить нельзя...

– Если они слишком уж низкую цену назвали, лучше быть поосторожней.

Но Фрэнк, похоже, уже заинтересовался линжери-клубом:

– Слушай, может, сходим посмотрим на японочек в трусиках?

– Давай сходим, но там без секса.

– Понял уже, что без секса. Я просто хочу заранее немного разогреться, а что может быть лучше для поднятия духа, чем девочки в трусиках!

– Ну хорошо. С девяти до двенадцати входной билет стоит от семи до девяти тысяч на человека, в зависимости от заведения. Девушки по-английски не говорят, поэтому тебе придется заплатить и за меня тоже. Теперь просто, чтобы ты знал – в некоторых местах девушек можно трогать руками, в некоторых нельзя. Бывают клубы, где девушки танцуют на столах, впрочем, цена от этого не особо меняется.

– Тогда я бы предпочел традиционное заведение безо всяких танцев. Просто посидеть и поболтать с девушками, – сказал Фрэнк. – Если цена не зависит от разнообразия выбора, то лучше пойти в самое простое место. Там зато девушки будут красивее.

Я нашел среди зазывал знакомого парня и договорился, что он проводит нас в свой клуб. Парня звали Сатоши. Ему было двадцать, как и мне. В восемнадцать он приехал в Токио то ли из Яманаши, то ли из Нагано – я точно не помню откуда, – чтобы учиться на университетских подготовительных курсах. Почти сразу же у него начался сильный невроз. Я, правда, тогда не был с ним знаком, но он мне как-то показал одну вещицу, которая осталась у него с тех пор. Как бы напоминание о болезни. В тот раз он пригласил меня к себе в гости. Я пришел к нему на рассвете, после работы, и он показал мне деревянный конструктор. Сатоши сказал, что во время болезни он целыми днями ездил в метро по линии Яманоте-сэн и, сидя в поезде на полу, играл в конструктор.

Я спросил у него почему. Он ответил, что не знает.

«Понятия не имею, что вдруг на меня нашло. Я просто шлялся по городу, зашел в „Кид-дилленд“⁶, увидел этот конструктор и сразу же его купил. А потом мне вдруг захотелось в него поиграть, и я почему-то решил, что лучше всего делать это в поезде. По правде говоря, строить замок на полу трясущегося вагона оказалось интересно. Очень захватывающее занятие, и от всяких дурацких мыслей отвлекает. В то время я не переставая думал о том, как втыкаю какой-нибудь маленькой девочке в глаз что-нибудь острое: булавку, зубочистку или там иголку... Я

⁶ Магазин детских игрушек и одежды.

ежесекундно представлял себе, как я это проделываю, и все время боялся. Мне казалось, что если о чем-то без конца думать, то в итоге придется это сделать.

Игрушка отвлекала меня от этого наваждения. В поезде, даже когда несильно трясет, строить из конструктора довольно трудно, а на линии Яманоте-сэн есть несколько крутых поворотов. Самый крутой – когда едешь от Харадзюку к Йойоги-коэн. На этом повороте я всегда ложился на пол и, обняв двумя руками как новорожденного младенца, пытался уберечь свою постройку, чтобы она не рассыпалась. Конечно, меня предупреждали. Машинист и станционные служащие говорили со мной по многу раз и в конце концов сдавали в полицию. Полгода это повторялось изо дня в день, и каждый раз я отнекивался: „...ну я же не в часы пик...“ – и меня отпускали. А потом я пошел работать в Кабуки-тё и сразу выздоровел.

Не то чтобы мне очень нравилась моя работа. Я вообще думаю, что нет таких людей, которым бы нравилось работать в Кабуки-тё. Но я доволен. Ведь даже поступив в престижный университет или устроившись на работу в любимом городе, никто не согласится, чтобы его безотвязно мучила мысль о том, как он иголкой выкалывает глаз маленькой девочке...»

– У нас вроде есть одна девушка, которая немного умеет по-английски. Я посмотрю, если она сейчас не занята, то я ее к вам пошлю... без дополнительной платы, – пообещал Сатоши, когда мы с Фрэнком спустились вслед за ним по лестнице и остановились у зеленой двери.

В который раз я уже сюда прихожу, а все никак не могу запомнить, как называется заведение. Отчасти из-за того, что в Кабуки-тё все названия похожи одно на другое, да и вообще здешних клиентов вывеской не соблазнишь, поэтому никто из хозяев и не заботится об изысканности названия.

Линжери-клубы, в какой бы вы ни зашли, изнутри выглядят практически одинаково. И вовсе не потому, что везде один и тот же дизайн, а потому, что у таких заведений обязательно есть нечто общее – для их отделки никогда не используются качественные материалы. Оттого-то все эти места и кажутся такими похожими.

При виде полуобнаженных девушек, в большом количестве сидящих на диванчике у входа, Фрэнк снова смущенно улыбнулся.

Ту, которая немного говорила по-английски, звали Рэйка. Волосы ее были забраны на затылке в пучок. На ней было кружевное белье бордового цвета, на вид довольно дорогое. Приплюснутый носик и слегка прыщавая кожа – пожалуй, в более серьезных недостатках Рэйку обвинить было нельзя. Вместе с ней к нашему столу подошла еще одна девушка – Лиэ. Массивная, жилистая, как волейболистка-профи, простушка Лиэ – любительница белого белья – оказалась очень смешливой. Но в мире секс-развлечений смешливая еще не значит веселая.

В тот момент, когда девушки подошли к нашему столу с двумя стаканами и бутылкой виски, Сатоши произнес: «Спасибо, старик, удружил» и снова отправился на улицу. Я огляделся, кроме нас в клубе было еще два клиента. Тоже пришли вдвоем, как и мы. Понятия не имею, сколько Сатоши сегодня на нас заработал. Мы с ним на эту тему никогда не разговариваем, хоть и приятели. Не считай чужие деньги – вот основное правило, которого нужно придерживаться, если хочешь выжить в Кабуки-тё.

Фрэнк смущенно заулыбался, совсем как несколько минут назад, при входе в клуб. Щеки его порозовели, он быстро переводил взгляд с Лиэ на Рэйку и обратно. Вину за порозовевшие щеки Фрэнка не стоит сваливать на чрезмерное отопление. Если даже постоянные клиенты теряются, то что уж говорить о новичке, который попал в линжери-клуб в первый раз. Когда вокруг тебя снуют полуголые девицы, особо не расслабишься. Это вам не бикини в пляжный сезон. Очень трудно сохранять ясность мысли, если у тебя перед самым носом маячат аппетитно вываливающиеся из лифчика груди. На девичьем животике виден след резинки от немного сползших трусиков, через белую ткань которых просвечивают волосы на лобке. От этого зрелища и озвереть можно.

Я отвернулся от улыбающегося Фрэнка и уставился на аквариум у стены с искусственными тропическими рыбками. Они управлялись микропроцессором, но человек непосвященный наверняка принял бы двух пестрых скалярий за живых, настоящих. Уж очень натурально кидались они на несуществующую еду. Только не подумайте, что я специалист по живым скаляриям. Просто рыбки эти были какими-то чересчур гладкими. Ускользающими от восприятия. Точь-в-точь как смущенно улыбающийся Фрэнк.

– Вам с водой? – спросила Рэйка. Мы с Фрэнком кивнули, и тогда она сперва разлила по стаканам принесенный виски неизвестного происхождения, а потом легким нажатием руки на резиновую помпочку, укрепленную на крышке стеклянного кувшина с водой, добавила нам в стаканы воды.

– Вы из Америки? – придвинувшись поближе к Фрэнку, по-японски спросила Лиэ.

Вообще-то в этом заведении трогать девушек было запрещено. Но если клиент вел себя спокойно, то девушки могли сами его потрогать, как бы в благодарность. Видимо, расслышав слово «Америка» и догадавшись, о чем идет речь, Фрэнк ответил ей едва слышным «да».

Я подумал, что Фрэнк сейчас начнет пить разбавленный виски маленькими глоточками, как тогда пиво в гостиничном ресторане. Поэтому я сказал ему, что, сколько бы он стаканов ни выпил, – цена одна и та же. Но это не помогло – Фрэнк сразу же начал прихлебывать свой напиток. Со стороны было абсолютно невозможно понять, пьет он или просто подносит стакан к губам. Меня это ужасно разозлило.

Рэйка села сбоку от Фрэнка, Лиэ – между Фрэнком и мной. Потом Рэйка положила руку Фрэнку на бедро и засмеялась.

– Как тебя зовут? – спросил Фрэнк.

Рэйка назвала ему свое имя.

– Рэйка? – переспросил Фрэнк.

– Да.

– Красивое имя.

– Правда?!

– Мне лично нравится.

– Спасибо.

Я подумал, что Рэйка знает английский где-то на уровне восьмого класса. Примерно, как и я. Только у меня практики гораздо больше.

– Сюда часто американцы приходят?

– Довольно редко.

– Ты хорошо говоришь по-английски.

– Вовсе нет. Я бы хотела говорить лучше, но пока не получается. Хочу накопить денег и поехать в Америку.

– Ах вот как. В американский институт хочешь поступить?

– В институт я не могу. Мозгов мало. Я хочу поехать в «Найки Таун».

– «Найки Таун»?

– Тебе нравится «Найки Таун»?

– Найки? Это, что ли, те «Найки», которые производят спорснаряжение?

– Да. Тебе нравится?

– Ну-у... у меня, кажется, есть такие кроссовки... или нет, у меня вроде «Конверс». А почему тебе так нравятся «Найки»?

– Ни почему. Просто нравятся, и все. А ты был в «Найки Таун»?

– Так я же говорю, я даже ничего не слышал об этом месте. А ты слышал, Кенжи?

– Слышал пару раз, – сказал я. – Но чего только люди не расскажут.

– Это такое многоэтажное здание, где на каждом этаже продают «Найки», – объяснила Рэйка, поправляя лямку от лифчика. – А потом в установленное время на огромном экране

начинают показывать рекламные ролики «Найки». Вот. Одна моя подружка туда поехала, так она купила себе там целых пять пар кроссовок. И я тоже хочу поехать в «Найки Таун» и закупить себе всего-всего-всего. Это моя мечта.

– Мечта? Это у тебя такая мечта – «Найки Таун»? – Фрэнк изобразил на своем лице удивление и несколько раз повторил шепотом слово «мечта».

– Ну да, мечта, – сказала Рэйка и спросила: – А ты где живешь в Америке?

– В Нью-Йорке, – ответил Фрэнк.

– Странно, – скривилась Рэйка, – «Найки Таун» как раз в Нью-Йорке находится...

Фрэнк снова изменился в лице. Получалось, что Рэйка – хоть и без злого умысла – намекнула ему, что тот, кто живет в Нью-Йорке и не знает «Найки Таун», наверное, немного не в себе. Конечно, это неприятно, но не до такой же степени. Сбоку было хорошо видно, как отвратительная кожа на его лице натянулась и мелко задрожала. Капилляры набухли, как набухает акварельная краска в капле воды. Лицо сперва сделалось бледным, а потом Фрэнк покраснел как рак.

– Это только японцы так возбуждаются по поводу «Найки Таун», – почувствовав неладное, сказал я Рэйке. – Видишь, американцы даже не знают, где это. В этом «Тауне» вообще, наверное, половина покупателей японцы. И между прочим, Нью-Йорк – огромный город, на Манхэттене свет клином не сошелся.

Все это я проговорил сначала на японском, а потом на английском. Рэйка согласно кивнула. Фрэнк начал потихоньку приходить в себя. И хотя я был почти уверен, что про Нью-Йорк он наврал, я решил по возможности с ним об этом не заговаривать. Хотя бы потому, что Фрэнка эта тема определенно бесила. А таким «нелегалам», как я, не стоит понапрасну злить своих клиентов. Ничего хорошего из этого не выйдет. Клиент ведь платит в последний день, и если он вдруг возьмет и съедет из гостиницы раньше срока, то фиг его после этого отловишь.

– Давайте попоем караоке, – сказала Рэйка, поглядывая на других посетителей. Полупьяный служащий средних лет с видимым удовольствием распевал какую-то популярную песенку. Его спутник, и скорее всего подчиненный – молодой мужчина с покрасневшим от выпитого лицом, – хлопая в ладоши, негромко мычал ту же мелодию себе под нос.

Девушка в розовом белье, которая подавала клиенту микрофон, не успела убрать руку, и он так и пел всю дорогу, держа ее за руку. Вообще обстановка здесь напоминала какое-то жертвоприношение в древнегреческом храме, и девушки, разумеется, были жертвами.

Я подумал, что мужик с микрофоном и его спутник, наверное, приехали откуда-то из провинции. В Кабуки-тё много таких селян, приехавших в Токио по работе. Для всех остальных районов города эти люди слишком уж простоваты. Заметить их очень легко – они как выпьют, так сразу краснеют. И одеваются по-другому, и держат себя иначе. В некоторых особенно отвратительных местах, так называемых кэтч-барах, селян очень часто жестоко обманывают. Я бы вполне мог работать, например, с группами из провинции, сопровождать их по Кабуки -тё. Но жалко тратить время на изучение диалектов.

– Нет, не надо караоке. Давайте лучше вы меня немного поучите японскому языку. Мне хочется поговорить на японском с девушками в нижнем белье. – С этими словами Фрэнк достал из сумки «Токио Пинк Гайд». Не журнал – книгу.

На обложке, чуть ниже названия, маленькими буквами было написано: «Эта книга поможет вам высвободить все то, что вы ежедневно в себе подавляете». Но это дословный перевод, а вообще-то это означало на английском примерно следующее: «Прочитав эту книгу, вы превратитесь в похотливое животное».

За этой многообещающей фразой следовала не менее многообещающая: «Что? Где? И за какие деньги? Для любителей плотских утех – вся необходимая информация о токийских заведениях».

У меня тоже была такая книга – профессия обязывает, и в свободное время я почитывал ее для улучшения своего английского. Надо сказать, очень любопытная книжка. Например, девятая глава «Токио Пинк Гайд» посвящена геям. Начинается она с исторического бэкграунда – с рассказа о том, как неприятие женщин в буддизме и мачоизм породили в самурайской среде любовь к мальчикам. Потом автор заверяет читателей, что, несмотря на гайджинофобию⁷, поразившую секс-индустрию Японии вскоре после открытия СПИДа, геи из развитых стран всегда найдут теплый прием в районе Синдзюку-нитёмэ. Далее следует подробное описание токийских гей-баров.

Фрэнк открыл свою розовую книжку и сказал:

– Ну что же, начнем урок японского. – После чего посмотрел на Рэйку, потом перевел взгляд на Лиэ и начал в алфавитном порядке с буквы «А». – Алкаш, – громко сказал он по-японски и сразу же пояснил на английском: – Это значит «пьяница».

Видимо, Фрэнк решил зачитывать по порядку слова из краткого разговорника, который был напечатан в конце книги.

– Что он сказал? – спросила Лиэ.

– Он сказал по-японски «алкаш», – ответил я, и Лиэ радостно завизжала: «Ой, не могу, какой миленький!» и в восторге ущипнула себя за ляжку.

«...анальный секс; анус; а пошел ты». Потом были «бляди» и «блядки» – именно на этих словах Фрэнк неожиданно повысил голос, «...болт; булки; вали отсюда; вибратор; говно; гомик; дебил; дура; дырка, дырка, дырка, дырка, дырка, дырка...»

Когда иностранцы старательно выговаривают японские слова – это получается очень забавно и даже мило. Вот они на твоих глазах выбиваются из сил, выдавливают из себя этот корявый японский, и ты сразу чувствуешь, что надо их подбодрить, показать им, что тебе понятно каждое их слово. Конечно же, это относится не только к японскому языку. Я, например, знаю английский, ну, может, как девятиклассник или вроде того, и вполне могу симитировать американский акцент нэйтив-спикера не хуже какого-нибудь идиота на радио, однако я этого не делаю. Мне кажется, что гораздо разумней тщательно произносить каждое слово – больше шансов понравиться клиенту.

Фрэнк повторил «дырка» несколько раз, чем до слез насмешил девушек. Хостессы за соседними столиками начали с завистью оборачиваться на нас. Фрэнк невозмутимо, с серьезным, как у актера-трагика, лицом еще несколько раз старательно, с сильным акцентом повторил: «дырка, дырка...»

«...люблю тебя; любовь; малышка; мне жутко нравится; минет; муж; петтинг; пока; привет; сейчас кончу; мне жутко нравится, сейчас кончу; мне жутко нравится, так что я сейчас кончу...» – Фрэнк внимательно следил за реакцией Рэйки и Лиэ. Из тех слов, которые вызывали у девушек смех, он строил фразы, повторяя каждую по несколько раз.

Хостессы, ожидавшие клиентов на диванчике возле входа, повскакали с мест – им тоже хотелось посмотреть на представление, которое устроил Фрэнк. Лиэ и Рэйка от смеха уже чуть не падали со стульев. Мужик с микрофоном и его дружок перестали петь и тоже начали смеяться. Даже два устрашающего вида официанта развеселились и то и дело посматривали в нашу сторону. Давно я так не смеялся. У меня слезы выступили на глаза.

Единственный, кто ни разу не засмеялся, был Фрэнк:

«...трахать, трахать; ублюдок; урод; хочешь меня; хочю; целка; чмо; хочю чмо; хочю трахать чмо...»

Все вокруг покатывались со смеху, и только Фрэнк, сохраняя абсолютное спокойствие, продолжал свое представление. Чем больше мы смеялись, тем серьезней становилось его лицо.

⁷ От *яп.* гайджин – иностранец.

Он говорил все громче и громче. У Лиэ и у Рэйки выступил пот на крыльях носа, на висках, в ложбинках между грудей. Из глаз текли слезы. Обе они смеялись, захлебываясь кашлем.

Двое провинциалов давно прекратили петь, но музыка все еще играла, впрочем, почти неслышная из-за истеричного смеха, заполнившего все пространство. Фрэнк, похоже, железно решил следовать основному эстраднему принципу – комедиант никогда не смеется. Так прошел час.

В дверях показались новые клиенты – целых две компании. Селяне вернулись к своему караоке. Лиэ, подружку Рэйки, заказали новоприбывшие посетители. Она пожала Фрэнку руку и, сказав: «Я давно так не смеялась», ушла за другой столик.

– Ты просто суперзвезда. Мне страшно понравилось! – сказала Рэйка и отправилась в туалет умыться. Я тоже был весь в поту, майка намокла и прилипла к телу. Отвратительное чувство. Но как не вспотеть, если так смеяться в усердно отапливаемом – чтобы полуголые девушки не простудились – помещении. Я попросил счет у знакомого официанта.

– Веселый какой иностранец, – по-доброму сказал официант.

Не стоит думать, что в Кабуки-гё все люди угрюмые, просто у них у всех темное прошлое и безрадостное настоящее... Я почти уверен, что здешнему персоналу редко когда удастся так от души посмеяться. «Интересно, всем ли было весело?» – подумал я, и в этот момент Фрэнк, доставая из кармана кошелек, спросил:

– Кенжи, а что именно нравится японцам в «Найки Таун»?

Фрэнк даже не вспотел.

«И чего это он вдруг снова заговорил о „Найки Таун“?» – удивился я про себя, но вслух сказал:

– Японцам нравится все, что считается модным в Америке.

– А я вот не знал ничего о «Найки Таун». Я даже не знал, что он есть.

– Тебе интересно, что я думаю по этому поводу? – спросил я. – Я думаю, что только в Японии все хором могут восхищаться какой-нибудь фигней...

Официант принес счет. Фрэнк достал из кошелька две десяти тысячные купюры. На одной из них было липкое черное пятно, сантиметра два-три диаметром. Мне это жутко не понравилось. Больше всего эта налипшая грязь напоминала засохшую кровь.

– Фрэнк, я давно так не смеялся.

– Девушкам вроде тоже было весело...

– Ты часто такое вытворяешь?

– Какое «такое»?

– Ну смешишь всех. Шутишь.

– Ну я вообще-то не шутил... Это был урок японского, я же в самом начале сказал. Честно говоря, я даже не понял, как так получилось, что все вдруг развеселились. И до сих пор не понимаю.

Мы вышли из линжери-клуба и теперь брели по маленькой улочке, прямо за театром «Кома». Было чуть позже половины одиннадцатого. Фрэнк молчал и не высказывал никаких пожеланий на тему, куда пойти. Я подумал, что после такой истерики и жары лучше немного прогуляться пешком, успокоиться и потом уже решать, что делать дальше.

С того момента, как мы вышли из клуба на улицу, я без конца думал об одной неприятной вещи. О десяти тысячной купюре, запачканной кровью. Хотя если бы меня спросили, я бы не мог толком сказать, отчего это меня так беспокоит.

На этой маленькой улочке позади театра «Кома», если идти от здания районной администрации к станции «Синдзюку», есть одно очень странное место – будто из фильмов конца шестидесятых годов двадцатого столетия. Вдоль улицы тянутся кафе, бары и маджонг-хаусы⁸.

– В любом случае, Фрэнк, у тебя вышло классное представление. Может, ты в детстве в драматический кружок ходил?

– Нет, – ответил он. – Правда, у нас дома часто собирались гости, и две мои старшие сестры очень любили устраивать всякие смешные представления. Они иногда, ради смеха, изображали популярных в то время комиков... Ничего особенного...

Мы с Фрэнком как раз добрались до того места. Вокруг теснились маленькие бары и кафе, почти не заметные за увитыми плющом оградками. Откуда-то доносилась классическая музыка. Вывески здесь были большей частью оформлены в манере ретро. Фрэнк, будто ощутив дыхание прошлого, вдруг замедлил шаги и начал осматриваться по сторонам. В этом месте улица становилась очень узкой. Стоя под неоновой вывеской бара, Фрэнк внимательно вглядывался в эту тихую улочку, сохранившую атмосферу конца шестидесятых. Наконец он сказал:

– Здесь совсем нет зазывал.

Сюда даже не долетают их голоса. Потому что тот, кто сюда приходит, точно знает, куда он идет. А тот, кто рассчитывает найти женщин подешевле и без последствий, тот, кто, опираясь на плечо пьяного, как и он сам, спутника, все ищет, куда бы еще зайти, – такие люди сюда не приходят.

У дверей ближнего кафе стояли большие кувшины с цветами. Белые цветы в грубоватых, неглазурованных кувшинах... Они подрагивали на декабрьском ветру, который был наполнен запахом Кабуки-тё: запахом алкоголя, пота и помойки. На лепестки падали розовые и желтые отблески театральной иллюминации.

– В этом месте до сих пор сохранились старые дома.

– Ага. Такое место в любом городе есть... – Фрэнк не спеша двинулся вдоль улицы. – В Нью-Йорке это Таймс-сквер. Раньше там не было такого количества публичных домов, только приличные заведения. Разные пивные...

Он сказал это очень искренне, почти с грустью. И я подумал, что, может быть, он и вправду из Нью-Йорка. Ведь если немного подумать, то кто сказал, что каждый житель Нью-Йорка обязательно должен знать про «Найки Таун».

– Кстати, раз уж я вспомнил. Около станции «Синдзюку» я видел высотный дом, на котором написано «Таймс-сквер». Это что, приколы какой-то?

– Никакой не приколы. Это название торгового центра.

– Так ведь на Таймс-сквер был Тайм-билдинг, башня с часами. Потому и называли площадь Таймс-сквер! А в вашем торговом центре разве есть такая башня?!

– При чем здесь это? Просто японцам нравится это название, и все.

– И неужели никто не пытается прекратить это позорище? Журналисты, интеллектуалы... Ну хорошо, вы проиграли войну, но это ж когда было?! Совсем необязательно до сих пор слизывать все с Америки!

После этой фразы я поинтересовался у Фрэнка, куда он теперь хочет пойти.

– Все, теперь хочу на голеньких девочек посмотреть, чтобы без нижнего белья. Пошли в «глазок», – ответил мне Фрэнк.

Для того чтобы попасть в «глазок», нам нужно было сделать небольшой крюк и свернуть на другую улицу. Иначе придешь в район кабаре, лав-отелей, чайниз-клубов и пивных. «Глазков» там не было и нет.

⁸ Специальные заведения, где играют в маджонг на деньги; маджонг (*кит.*) – древняя китайская игра.

Мы свернули, не доходя до квартала лав-отелей, и пошли по направлению к станции «Сэйбу-Синдзюку». Почти сразу после поворота мы увидели непонятно откуда взявшийся здесь офис проката машин. «И кто же это, интересно, в таком месте берет у них автомобили?» – подумал я. Да и освободить площадку под паркинг для машин на такой узкой улице и при такой плотной застройке практически невозможно.

Сперва мы увидели стенд «Тойота Рент-а-Кар» и рядом с ним – с точно такой же надписью – пластиковый флажок на длинной ножке. Флажок трепетал на ветру. Само здание, построенное из готовых блоков, с улицы было почти не видно – его загораживали штук десять автомобилей, плотно втиснутых в узкое пространство перед офисом. И пикапы, и седаны успели порядком запылиться. Чем брать такую машину напрокат, уж лучше прогуляться пешком.

Фрэнк остановился, поднял воротник и снова зашагал, засунув руки глубоко в карманы брюк. Он уже остыл после линжери-клуба, нос у него покраснел, и так как ни пальто, ни шарфа на Фрэнке не было, он выглядел слегка озябшим.

Я взглянул на него, когда мы уже почти миновали офис и стоянку перед ним. На секунду мне стало страшно – лицо Фрэнка, вся его фигура были воплощением какого-то неземного одиночества. Конечно, все американцы где-то глубоко внутри одиноки. Может быть, от того что они потомки эмигрантов, а может, по какой-то иной причине, которой я не знаю. Но Фрэнк был другой, не такой, как они. Дешевая одежда и уродливая внешность только усиливали это впечатление. Я не очень высокий – метр семьдесят два, Фрэнк был на пару сантиметров ниже, чем я. Толстачок с жидкими волосами и каким-то старческим выражением лица. Но дело даже не в этом. Я не могу точно выразить это словами, но во всем его облике чувствовалась какая-то фальшь. А когда я вдобавок понял, где мы сейчас находимся, – я весь покрылся гусиной кожей.

Мы как раз шли мимо той самой помойки, где было обнаружено тело убитой старшеклассницы. Помойка была огорожена, рядом дежурил полицейский. То, о чем я думал с самого начала нашей прогулки, и то, отчего я испугался сейчас, проходя мимо офиса проката, – подозрение и страх – слились воедино.

Во-первых: утренняя статья в газете. Там было написано, что из кошелька убитой старшеклассницы пропали деньги. Та самая купюра с кровавым пятном, которой Фрэнк расплатился в линжери-клубе. Кроме того, Фрэнк сказал, что работает в «Тойоте». Импортирует запчасти. Это я точно помню. Тогда чем можно объяснить тот факт, что на глаза нам только что попало как минимум десяток «тойот» разных моделей, а он даже не обратил на это никакого внимания?!

«Это просто совпадение, это просто совпадение», – попытался я себя успокоить, но мои подозрения относительно Фрэнка нисколько не ослабели. Пришлось прошептать себе несколько раз подряд: «Успокойся».

Ну хорошо, у него в кошельке деньги, испачканные кровью, и он, скорее всего, наврал относительно своей работы. Но это еще не делает его убийцей. Кроме того, человек, который работает с запчастями, вовсе не обязан возбуждаться при виде укомплектованных и готовых к употреблению машин.

Мне страшно захотелось с кем-нибудь поговорить. Поделиться своими страхами. Хотя бы по телефону. Чтобы этот кто-то сказал мне: «Кенжи, ты просто слишком много думаешь о всяких глупостях», и мне бы сразу стало легче, и все подозрения бы исчезли. Единственным человеком, которому я мог позвонить, была Джун.

– Эээ... Слышишь, Фрэнк, скоро уже одиннадцать, – сказал я, показывая на часы. – Если ты помнишь, мы договаривались до двенадцати.

– До двенадцати? А... ну конечно-конечно... Просто мы с тобой так мило проводим время, что у меня из головы вылетело. Я бы с радостью еще погулял. Столько всяких мест интересных, куда хочется пойти... Кенжи, если у тебя есть время, давай, может, еще часика на два... Или не получится?

– Вообще-то я со своей девушкой на вечер договорился...

Услышав это, Фрэнк нахмурился. Его лицо превратилось в страшную гримасу. Совсем как в линжери-клубе, когда Рэйка не поверила ему, что он живет в Нью-Йорке.

– Но так как работа важнее, я ей сейчас позвоню и попробую передоговориться, – добавил я и направился к телефонной будке, которая стояла неподалеку. Мне не хотелось звонить с мобильного, хотя я был почти уверен, что Фрэнк не понимает по-японски. Честно говоря, мне неприятно, когда кто-то стоит рядом и слушает. Я вошел в стеклянную будку и вздохнул с облегчением.

Около одиннадцати Джун обычно всегда у меня дома. Не то чтобы она меня ждала, нет. Просто у нее нет другого места, где она могла бы побыть в одиночестве. Оставаясь одна в моей квартире, Джун чаще всего слушает музыку или читает. Ее родители развелись, когда она была совсем маленькой. Сейчас она живет вместе с мамой и младшим братом. К двенадцати она возвращается к себе домой и всегда говорит маме, что делала уроки у подружки. Ее маму, похоже, такой расклад вполне устраивает.

– Алло. Кенжи, это ты? Что случилось? – услышал я ее довольно низкий для шестнадцатилетней школьницы голос и снова облегченно вздохнул.

– Как дела?

– Сижу слушаю радио.

Мама Джун работает в страховой компании. Джун любит свою маму и часто повторяет, что очень благодарна ей. Трудно все-таки растить детей без мужа. Но их квартирка в Такаидо совсем маленькая – у Джун даже нет своей комнаты. И хотя мама работает целый день с утра до вечера, не похоже, что они в ближайшее время смогут переехать в более просторную квартиру.

Я познакомился с Джун в Кабуки-тё. Она не была проституткой, просто ходила на свидания за деньги. Пела со всякими дядьками в караоке-барах и ужинала с ними в ресторанах, а они платили ей за это от пяти до двадцати тысяч йен. Впрочем, мы с ней об этом почти никогда не говорили.

– Слышишь, я все еще на работе.

– Сегодня холодно, ты в порядке? Я тебе набэ⁹ приготовила и рисовую кашу.

– Спасибо. Мне, между прочим, клиент в этот раз какой-то странный попался.

– А что с ним?

– Врун. Причем жуткий.

– Что, платить не хочет?

– Да нет. Просто подозрительный тип.

Я рассказал ей про испачканные кровью десять тысяч и про «Тойоту».

– И что дальше? Ты из-за этого решил, что он убийца?

– Ага. Он вообще какой-то странноватый.

– Ну что я могу тебе сказать? Я же его не видела. Хотя....

– Что «хотя»?

– Хотя догадываюсь.

– О чем?

– Ну, почему ты его заподозрил. Уж слишком не по-японски ту девочку убили. Так ведь? Ну, ты и подумал, что убийца, наверное, не японец. А что этот твой сейчас делает?

Во время разговора я неотрывно следил за Фрэнком. Сначала он не сводил глаз с телефонной будки, но потом ему, видно, надоело, и теперь он слонялся туда-сюда перед залом игровых автоматов, который находился на другой стороне улицы.

⁹ Букв. кастрюля (яп.). В сезонной японской кухне – зимнее блюдо из овощей, мяса или морепродуктов. Готовится на электрической или газовой конфорке, стоящей прямо на столе.

– Он рассматривает пурикуру¹⁰. Наверное, хочет наклейку себе сделать.

– Чего?

– Наклейку хочет себе сделать. Только не знает как. Поэтому подсматривает, что другие делают.

– Ну так значит, все в порядке. Разве убийцу пурикура может заинтересовать? – Стоило Джун это сказать, как я и сам тут же понял, что все в порядке. – Слышь, Кенжи. Ты бы научил его, как пользоваться автоматом. Сфотографируйся с ним. Заодно я на него и посмотрю.

– Ладно, я все понял, – сказал я и повесил трубку.

– Кенжи, что это за штуковина? Девочки так радовались, так смеялись. Фотографировались, что ли? По виду напоминает фотоавтомат, чтобы на документы фотографироваться...

Я начал было объяснять Фрэнку, как работает пурикура, но тут подвалил пьяный салири-ман¹¹ со своей подружкой и стал требовать, чтобы мы быстрее заканчивали возню. Подружка у него была страшно уродливая. Я обычно за словом в карман не лезу, но, во-первых, перенервничал из-за Фрэнка, а во-вторых, было очень холодно, так что я просто сказал «ладно».

– Ладно, – сказал я. – Не шуми. Мы сейчас закончим.

Так что я перестал объяснять Фрэнку что и как. Просто затащил его внутрь – пусть по ходу дела разбирается. Оказалось, что у Фрэнка нет мелочи, так что платить за пурикуру пришлось мне. Я подошел к пульту и принялся с помощью рычажков выбирать рамку для фотографии. «Лучше что-нибудь в японском стиле», – подумал я и выбрал рамку в виде специальной занавесочки, которую обычно вешают на входе в якиторию¹². В этот момент Фрэнк сказал:

– Давай вместе сфотаемся. Тут до этого девочки были – так они все вместе фотографировались. Очень весело у них это получилось. Ну же, Кенжи. Пусть у нас с тобой останется фотография на память.

Когда фотографируешься в пурикуре вдвоем, то, чтобы хорошо получилось, надо чуть ли не прижиматься друг к другу щеками. Не могу сказать, что я ненавидел Фрэнка, но мысль о том, что придется прижиматься к нему щекой, была мне отвратительна. Вообще прикасаться к лицу другого мужчины – не очень приятно, а у Фрэнка вдобавок была эта странная кожа. По его словам, ему давно исполнилось тридцать, а на лице – ни одной морщинки. Причем кожа его вовсе не выглядела здоровой и чистой. Она была неестественно гладкая, как будто искусственная. И выражение лица у Фрэнка будто у старика. Короче, прижиматься щекой к такому лицу никому не захочется.

Но Фрэнка это не волновало. Он с силой схватил меня за плечо, подтянул к себе и громко сказал:

– Давай, Кенжи, вперед. Нажимай на кнопку. – И уставился в экран.

Его щека, больше всего напоминавшая силиконовую маску для подводного плавания, была абсолютно ледяной.

– Забавный у тебя гайджин. Я уже о нем слышал, – сказал мне Сатоши, на которого мы наткнулись по дороге к «глазку», снова проходя мимо линжери-клуба. Он обрабатывал какого-то пьяного, повторяя ему раз за разом один и тот же текст: «Семь тысяч за вход и ни йеной больше». Я наконец-то начал понимать, что имел в виду Сатоши, когда однажды сказал мне: «Если как следует присмотреться, Кабуки-тё – очень удобное место для работы». Здесь нет

¹⁰ Автомат, с помощью которого можно сделать наклейки со своей фотографией, предварительно выбрав фон и рамку. В Японии особенно популярен среди школьников. Обычно стоит на улице рядом с залами игровых автоматов.

¹¹ Служащий крупной компании.

¹² Ресторан, специализирующийся на небольших шашлычках, в основном из куриного мяса и кальмаров.

правил, нет нормы – ты волен поступать, как хочешь. В худшем случае – тебе либо не заплатят, либо тебя уволят. Но на твоей репутации это никак не скажется...

Фрэнк стоял в стороне и внимательно рассматривал фотонаклейку, которую автомат выдал ему несколько минут назад.

– Слушай, а больше официант ничего тебе не говорил? Например, про деньги, которыми этот гайджин расплатился? – спросил я у Сатоши.

Но было похоже на то, что только я один так сильно переживаю по поводу бурого пятна на десяти тысячной купюре. Кровавое оно или нет, надо постараться забыть об этих деньгах, и все. А насчет перегибания палки – это я и без Джун знаю. Просто так получилось, что мы с Фрэнком неожиданно оказались у той самой помойки, где нашли убитую школьницу.

К тому же на меня как-то нехорошо подействовала убийственная заброшенность офиса по прокату машин. Вот нервы и не выдержали.

– Теперь парень в «глазок» захотел, – сказал я Сатоши. – Ты знаешь какое-нибудь место получше?

– Да везде одно и то же, – засмеялся Сатоши в ответ и посмотрел в сторону Фрэнка. – А тебе, я вижу, тоже не повезло...

Он имел в виду, что на этот раз мне, как и ему, попался нищий клиент.

Ближайший «глазок» находился в здании напротив, на шестом этаже.

– Кенжи, ну чего ты? Пошли вместе. Ну пожалуйста, – замотал головой Фрэнк, когда я подвел его к дверям «глазка» и объяснил, что буду ждать его снаружи, чтобы ему не пришлось платить за двоих.

Так что Фрэнк заплатил за нас обоих. Пять тысяч йен. Программа только что началась. Чтобы не ждать стоя, мы присели на двухместный диванчик рядом с расчетной стойкой. В «глазке» не принято заходить в комнату во время программы. Правда, шоу длится всего лишь десять минут, поэтому долго ждать не приходится. На стене висело несколько фотографий, сделанных во время какого-то телевизионного эротического шоу. Эти фотографии уже пожелтели от старости. Участники передачи расписались на каждом снимке. Теперь их автографы выцвели и были едва видны.

– Слушай, а твоя подружка согласилась, чтобы ты еще немного поработал сегодня? – спросил Фрэнк, глядя на листок бумаги, висевший под фотографиями. На листке фломастером было написано по-японски и по-английски: «Наше заведение – образцово-показательное пип-шоу, о котором была сделана телепередача».

– Да. Никаких проблем.

– Здорово! Кстати, а какая у них система обслуживания?

Музыка, сопровождавшая шоу, была слышна даже здесь. Я не знал названия песни, но пела Дайана Росс.

– Шоу длится три-четыре песни. Сначала выходит девушка и начинает раздеваться. Почти сразу же после этого в комнатку, где сидит клиент, заходит другая девушка и спрашивает насчет особых услуг. Обычно она говорит: «Вас интересуют особые услуги?»

– Особые услуги? – переспросил Фрэнк.

– Это в смысле подрочить, – пояснил я. – Но подрочить стоит дополнительные три тысячи йен.

Фрэнк отреагировал только на слово «подрочить».

– Подрочить, подрочить... – с грустью, словно вспоминая о чем-то далеком и прекрасном, пробормотал он себе под нос несколько раз подряд. Честно говоря, я впервые в жизни видел, чтобы человек с таким чувством произносил это слово.

– Но это, конечно, только по желанию. Никто тебя не будет заставлять, – на всякий случай сказал я.

– Моя цель – секс, и если мне сначала подрочат, то это будет очень кстати. Разве не так? По-моему, все просто замечательно, – сказал Фрэнк и посмотрел на меня. – Честно говоря, меня просто распирает от желания! – добавил он. – В дословном переводе это прозвучало бы так: «Я – половой гигант».

– Короче, когда после начала шоу к тебе в кабинку заглянет девушка и спросит тебя что-нибудь по-японски, отвечай «йес». Ладно?

– С огромной радостью. Я ей прямо так и скажу: «йес», – абсолютно безрадостно, со скучающим видом ответил мне Фрэнк и начал листать журнал, взятый наугад с этажерки, стоявшей сбоку от диванчика.

На первой цветной вкладке была напечатана фотография Номо из «Доджерс»¹³. В статье на соседней странице рассказывалось о том, что его двухлетний контракт с командой пока еще не закончился. Постукивая по фотографии Номо указательным пальцем, Фрэнк произнес:

– И все-таки бейсбол очень популярен в Японии. Каждый раз удивляюсь.

Вначале я подумал, что Фрэнк шутит. Среди американцев, приезжающих по работе в Японию, нет ни одного человека, который бы не слышал о Номо. Это стопроцентно! И не столько потому, что упоминание о нем может благотворно повлиять на бизнес, сколько потому, что сейчас он чуть ли не самый популярный бейсболист в Америке. Но Фрэнк не шутил. Он в самом деле думал, что Номо играет в Японии. Но разве может быть, чтобы американец, импортирующий запчасти для «Тойоты», ничего не знал о Номо?

– Этот парень – питчер¹⁴ в «Доджерсе», – сказал я.

Услышав это, Фрэнк с удивленным видом уставился на фотографию.

– Точно! На нем же форма «Лос-Анджелес Доджерс».

– Очень известный питчер. В этом году он здорово играл. За все девять иннингов¹⁵ противники не смогли отбить ни одного мяча как следует. Ни единого очка не получили!

Я подумал, что Фрэнк скорее всего совершенно не разбирается в бейсболе. Этим, в принципе, все объяснялось. Только я успокоился, как Фрэнк вдруг произнес нечто совсем странное:

– Что ты говоришь?! Ни единого очка и ни одного толком отбитого мяча? Вот это здорово! У моих родителей только мальчишки были, я – самый младший. Все мои братья увлекались бейсболом. Жили мы в деревне, а там, куда ни посмотри – бесконечные кукурузные поля, так что, кроме игры в мяч, никаких особых развлечений у нас не было. Мой отец дико любил бейсбол. Я как сейчас помню, в то лето, когда мне исполнилось восемь, один из моих старших братьев тоже сыграл такую суперигру.

Приехали. Только час назад Фрэнк рассказывал мне о двух своих старших сестрах. О тех самых, которые любили устраивать вечеринки и пародировать комиков. Я этот рассказ слово в слово запомнил. А теперь вдруг выясняется, что у него были только братья и что они все вместе играли в бейсбол. Смысл этого вранья был мне совершенно непонятен. Зачем?

Ну хорошо, Фрэнк не разбирается в бейсболе, что для американца, конечно, несколько необычно, – но это совсем не та ситуация, в которой необходимо врать и обманывать. Тут не деловая встреча, а диванчик для ожидания в пип-шоу. И я не важный клиент, которого нужно обработать, а самый обычный «ночной гид». Почему нельзя было просто сказать: «Кто-кто? Номо? Я такого не знаю». Я бы сразу все понял, и тема была бы исчерпана.

– Хотя наша деревня была абсолютной дырой, пиво там варили обалденное, так что после игры в бейсбол все отправлялись пить пиво. Я, конечно, был совсем маленький, но мне тоже давали выпить, потому что тот, кто не пьет пива, тот не мужик. Американская деревня, извест-

¹³ Бейсбольная команда. Номо – японский игрок.

¹⁴ Подающий игрок в защите.

¹⁵ Периодичность в игре. Каждый иннинг состоит из двух частей. В первой части одна команда играет в обороне, другая – в нападении. Во второй части иннинга команды меняются. Всего в бейсбольном матче девять иннингов.

ное дело, – это сплошные кукурузные поля, а над ними синее-синее, такое, что даже не по себе становится, небо. Летом настоящее пекло, солнце прямо лупит по мозгам, и, если долго торчать на солнцепеке, то можно и вырубиться, особенно если со здоровьем проблемы. Но играя в бейсбол, жару не замечаешь. И даже если подающий играет из рук вон плохо, так плохо, что ты должен топтаться в защите, все время на одном и том же месте, – все равно жара совсем не чувствуется....

Фрэнк говорил все быстрее и быстрее. Я попытался сконцентрироваться на его рассказе и вдруг вспомнил свое детство. Когда я перешел в седьмой класс, меня записали в бейсбольную секцию. Команда у нас была слабая, но я до сих пор помню летние тренировки и соревнования. Все было точно так, как рассказывал Фрэнк: даже в те дни, когда от жары можно было запросто упасть в обморок, во время тренировки было совсем не жарко. «Лето, бейсбол» – этих двух слов достаточно, чтобы сразу вспомнить запах земли, травы, кожаной перчатки кэтчера¹⁶ и ни на что не похожий запах извести, которой сделана разметка на поле... У меня начался приступ ностальгии, и я и думать забыл о том, что Фрэнк, скорее всего, опять врет.

– Да. Например, когда ты ведешь в счете, но с разницей всего лишь в несколько очков, а у тебя уже два игрока в ауте и очередь твоей команды играть в защите, – тут уже не до утирания пота. Ты вообще забываешь о погоде! А потом, на секунду буквально, прикроешь глаза и вдруг понимаешь – боже мой, ну и жара... Вообще, летний бейсбол – это самое «жаркое» мое воспоминание. И самое приятное... – Я вдруг заметил, что говорю вслух. Более того, мне жутко понравилось рассказывать. И с английским никаких проблем не возникло – все сложные грамматические формы прямо-таки от зубов отскакивали.

– Кенжи, а ты что, занимался бейсболом? – как-то невесело спросил Фрэнк.

– Ага. Занимался, – радостно ответил я и тут же подумал, что у Фрэнка, наверное, было очень тяжелое детство, все трудности которого я, как японец, совершенно не в состоянии понять. Очень многие в Америке разводятся – почти пятьдесят процентов браков кончаются разводом. Об этом часто пишут в японских еженедельниках. Но, даже прочитав такую статью в журнале, все равно очень трудно представить себе, что это такое на самом деле. Чаще всего просто подумаешь про себя: «Вот это да» и быстро об этом забудешь.

До этого я работал в общей сложности с парой сотен американцев. Надо сказать, что среди моих клиентов было немало таких, которые при расставании – после двух вечеров, проведенных вместе со мной, – изрядно выпив, вдруг начинали рассказывать о своем детстве. В основном это были те, кому не удалось найти подходящую партнершу.

Один из моих клиентов, например, рассказал мне такое: «Отец так и не вернулся. Прошел год, и на Рождество у нас в доме появился незнакомый мужчина. Мама сказала, что теперь он будет моим папой. Мне тогда было шесть лет, так что меня просто поставили перед фактом, и мне не оставалось ничего, как принять этот факт. А через два-три года, когда я более-менее привык к новому папе, он взял и поколотил меня. Мы жили тогда в Северной Каролине, и в нашем городе было заведено не стричь газоны и даже не ходить по ним до мая месяца, чтобы трава росла лучше. А новый муж мамы – коммивояжер с Западного побережья – понятно, об этом не знал. Он каждый день с невозмутимым видом прогуливался по газону перед нашим домом и почти полностью истоптал его. А этот газон был гордостью моего папы. Я не стерпел и закричал на маминого мужа, чтобы он перестал. Но он даже не обратил на меня внимания и продолжал топтаться по газону. Тогда я назвал его ужасным словом – я уже был в таком возрасте, когда дети знают всякие ругательства... И он избил меня. Так что мне снова пришлось привыкать к нему. И прошло несколько лет, пока я смог его заново признать...»

Американцы, изливающие душу, с болью произносят слова «признать» и «принять». А слово «терпение» они вообще в своей речи не используют. «Терпение» – это в некотором роде

¹⁶ Принимающий игрок защиты.

японское слово. После таких рассказов я всегда радуюсь, что родился японцем. Мне кажется, что одиночество американцев и одиночество японцев – переживания совсем разного свойства. У первых одиночество – это необходимость прилагать усилия для того, чтобы приспособиться к новой ситуации, принять новую реальность. Для вторых – нечто от тебя не зависящее, что нужно просто перетерпеть. Разница налицо. Я не уверен, что смог бы справиться с американским одиночеством.

«Наверное, и у Фрэнка была похожая история. Может, он сначала жил в семье, где были только мальчики, а потом – в семье, где были только девочки...» – неожиданно подумал я.

– Я бейсболом в школе занимался. Был защитником второй базы. Дружил с шорт-стопом¹⁷. У меня, как и полагалось защитнику второй базы, были сильные плечи, и у дружка моего, шорт-стопа, плечи тоже были ничего себе. Мы с ним часто тренировались вместе. Отрабатывали двойную игру¹⁸. Для нас вообще в то время двойная игра была самым важным в бейсболе. Отыграв этот маневр, мы ходили гордые, как победители, даже если наша команда терпела поражение, – сказал я Фрэнку и спросил:

– А ты на какой базе играл?

Но именно в этот момент шоу закончилось, и из динамиков, висевших под потолком, раздалось:

– Дорогие клиенты, извините, что мы заставили вас ждать. Пожалуйста, проходите в кабинки. Пожалуйста, проходите в кабинки.

– Ну что же, Кенжи. Наша очередь. Вперед! – сказал Фрэнк и поднялся с диванчика.

Я тоже встал и направился к кабинкам. Чувствовал я себя при этом отвратительно, я никак не мог понять, чего этот человек от меня хочет. Что за ерунда?! Только что он так возбужденно говорил о бейсболе, но стоило мне сказать, что я тоже занимался бейсболом, как он сразу же теряет к этой теме всякий интерес.

Хоть Фрэнк и сказал мне, что ему нестерпимо потрахаться, – когда он заходил в свою кабинку, что-то не было заметно, чтобы он сильно радовался. И возбужденным он тоже не выглядел. Скорее, вид у него был скучающий и даже немного удрученный.

Я зашел в тесную комнатку – настолько тесную, что у человека, страдающего клаустрофобией, вполне мог случиться припадок – и уселся на табуретку. Кроме табуретки и коробки с салфетками, в кабинке ничего не было.

«Странный какой-то чувак», – пробурчал я себе под нос.

Шоу должно было вот-вот начаться. Полукруглая сцена занимала от силы шесть квадратных метров – половину всей комнаты. Вторая половина была разрезана на маленькие секторы-кабинки. В передней стенке каждой кабинки было небольшое полупрозрачное оконце. С внешней стороны на стене помещалась маленькая лампочка, которая загоралась, если в кабинке кто-то находился. Благодаря этим лампочкам девушка-танцовщица знала, сколько у нее клиентов и в каких именно кабинках.

Раздались первые аккорды, замигала дешевая – дешевле некуда – светомузыка. Дверь в правом углу сцены открылась, и на сцену вышла невысокая худенькая женщина. В качестве музыкального сопровождения на этот раз звучала композиция Майкла Джексона. На женщине был легкий халатик.

– Извините за беспокойство. Вас интересуют особые услуги? – Дверь приоткрылась, и в кабинку заглянула девушка. Я обернулся на ее голос. Увидев мое лицо, она сказала:

– А, это ты, Кенжи. Чего ты здесь делаешь?

Раньше, примерно полгода назад, она работала в шоу-баре на Роппонги. Я даже помнил ее имя – Асами.

¹⁷ Игрок обороняющейся команды. При ударе защищает пространство между второй и третьей базой.

¹⁸ Продолжительный по времени маневр игроков защиты, в результате которого двое игроков нападения выходят в аут.

– Асами, ты, что ли? – спросил я.

– Здесь меня зовут Тихоня, – улыбнулась она в ответ.

– Слушай, – сказал я Тихоне, – у меня будет к тебе одна маленькая просьба. Тут через три кабинки сидит один иностранец. Он собирается заказать ваши «особые услуги».

Девушка, которую на Роппонги звали Асами, а здесь Тихоней, услышав слово «иностранец», неприязненно поморщилась. Что поделаешь – в большинстве заведений такого типа иностранцы не пользуются популярностью.

– Ты не пойми меня неправильно. Я вовсе не прошу, чтобы ты его обслуживала. Мне только нужно знать, сколько у него спермы будет – много или мало.

– Это еще зачем? У вас соревнование, что ли?

– Никакое не соревнование. Просто мне очень нужно это знать. Если ты мне поможешь, я тебя в яки-нику свожу. Идет?

– Ладно, – сказала Тихоня и вышла, прикрыв за собой дверь моей кабинки. Когда она работала на Роппонги, я несколько раз специально заказывал ее для своих клиентов. Порядочные проститутки о таких вещах никогда не забывают.

В газете писали, что убитая школьница перед смертью была изнасилована. Если предположить, что это Фрэнк вчера ее изнасиловал, то сегодня, когда он кончит, у него почти не должно быть спермы. Хотя, вполне возможно, что никакой связи между Фрэнком и этой школьницей не существует. Может быть, я и вправду чересчур мнительный и впечатлительный, как говорит Джун. Только не надо думать, будто я окончательно решил, что Фрэнк убийца. Просто за два года работы сопровождающим у меня развилась своего рода профессиональная интуиция, и она говорит мне, что доверять этому человеку нельзя.

Все мы иногда врет. Но если человек врет день изо дня, не переставая, то в какой-то момент он и сам уже не может отличить свою ложь от правды. Я знаю несколько таких людей и всегда обхожу их стороной. От них одни проблемы. Вообще-то, я считаю их самыми опасными людьми в мире.

Худышка на сцене скинула халатик и принялась крутить бедрами. Профессионализмом здесь и не пахло – обычная молодая проститутка, в ее движениях не было и намека на сексуальность. Выглядело это все смешно и немного грустно, но никто и не ждал, что в таком месте и за такие деньги ему обеспечат качественный стриптиз. Девушка прижималась по очереди к каждому глазку. Оставаясь в таком положении около тридцати секунд, она мяла свою грудь, давая возможность заглянуть к ней в лифчик, потом томным движением засовывала пальчик себе в трусики, ну а затем наступала очередь особых услуг.

Косметики на девушке почти никакой не было. Сквозь бледную кожу – на лице, на ногах – просвечивали голубые змейки вен. Я смотрел на эти голубые змейки, особенно заметные в отблесках цветомузыки, и думал о жестокости всего происходящего...

Тихоня приоткрыла дверь и заглянула в кабинку.

– Ну как? – шепотом спросил я.

Сильный запах духов моментально наполнил узкую комнатенку. Тихоня поставила на пол пластиковую корзинку. В корзинке лежало влажное полотенце и использованный кондом. На Тихоне теперь было надето что-то вроде пеньюара, расшитого бисером, и вид у нее был такой, будто она прямо сейчас отправится искать синюю птицу счастья.

– Ты ведь про гайджина из пятой кабинки спрашиваешь?

В комнате было темно, свет из открытой двери бил мне в глаза, так что я не видел ее лица, но, судя по голосу, Тихоня была чем-то озабочена.

– А что, он отказался?

– Нет, не отказался. – Тихоня покачала головой.

– Тогда в чем дело? Что-то случилось?

– Ага. Он почти сразу же сказал, что ему хватит.

– Значит, он не кончил.
– Ну, не то чтобы...
– А член у него большой?
– Средний у него член, но дело не в этом. Он с таким лицом сидел, пока я ему дрочила...
Никогда еще я таких лиц не видела. И сам член на ощупь был какой-то отвратительный...
– Отвратительный?
– Ага. В одном месте мягкий, в другом твердый... Весь какой-то разный.
– Может, он силиконом его накачал?
– Если бы силикон или жемчуг, уж я бы, наверное, догадалась. Нет, это что-то другое...
Вначале мне лица его было не видно, а потом я привыкла к темноте и увидела... Он так смотрел... Кенжи, я пойду уже, ладно? Нам вообще-то с клиентами разговаривать нельзя.
– Конечно, иди, – сказал я. – И прости, что я тебя попросил, о чем попросил.
– Да ладно, – ответила Тихоня и закрыла дверь. Чувствовалось, что ей совсем не хочется больше говорить о Фрэнке.

Женщина на сцене уже сняла лифчик и, оставив спущенные трусики на щиколотках, занялась мастурбацией. Вот она лежит на полу – ноги раздвинуты, глаза прикрыты – и время от времени издает всхлипывающие звуки. Интересно, она притворяется или действительно что-то чувствует, а может быть, она одна из тех, которые возбуждаются от того, что на них смотрят чужие люди?

Кроме нее самой ни один человек этого точно не знает. Да это и не важно. Ведь женщины чаще всего дают знать о своем сексуальном возбуждении именно с помощью голоса и мимики. И у мужчин, между прочим, ненамного больше способов выразить свое возбуждение. Тихоня за свою жизнь видела сотни и тысячи возбужденных мужиков. Так какое же у Фрэнка было лицо, когда она ему дрочила?

Мы вышли из «глазка». Фрэнк молчал, мне тоже не особо хотелось разговаривать. Поэтому мы просто молча плелись, уходя все дальше и дальше от неоновых огней и криков зазывал, и в какой-то момент оказались у баттинг-центра¹⁹, расположенного на задворках очередного лав-отеля. Был уже час ночи, но из-за проржавевшего проволочного забора, окружавшего баттинг-центр, раздавался характерный стук, с которым резиновый мячик отскакивает от железной биты. Фрэнк остановился и, тупо уставившись на проволочный забор, некоторое время прислушивался к этому звуку. Было похоже на то, что в Америке он не сталкивался ни с баттинг-центром, ни с городским драйвинг-рейнджем²⁰.

Я раньше думал, что городские драйвинг-рейнджи есть во всем мире. То же самое я думал и про автоматы, в которых продаются напитки и сигареты. Хотя, наверное, правильней будет сказать, что я вообще не задумывался о том, есть ли еще где-нибудь, кроме Японии, такие автоматы. Но когда я начал работать гидом, любопытные клиенты то и дело спрашивали: «Кенжи, а для чего вам столько автоматов? И почему в них продаются те вещи, которые и так можно купить в любом магазине? И кому, спрашивается, нужен такой огромный выбор всех этих соков, кофе в банках и витаминных дринок? Неужели производителю удастся получать прибыль при таком разнообразии продуктов?»

¹⁹ Открытый корт для отработки ударов бейсбольной битой. В бетонную стену вмонтированы специальные автоматы, которые выкидывают мячи. У всех автоматов разная мощность, поэтому мячи летят с разной скоростью. Автоматы выполняют роль питчера (подающего). Напротив стены расположены кабинки – в соответствии с количеством автоматов. Игрок с битой стоит в кабине и отражает удар мяча, выстреленного автоматом. Сверху баттинг-центр закрыт пластиковой или веревочной сеткой, чтобы отбитый мяч не улетел за пределы корта.

²⁰ Специальная площадка, чаще всего открытая, для отработки драйва – длинного удара в гольфе. В Японии, в связи с нехваткой места, такие площадки устраиваются прямо в жилых кварталах. Обычно они обнесены высоким проволочным забором и сверху покрыты сеткой.

Честно говоря, у меня не было и нет ответа на эти вопросы. Но вначале я вообще не мог понять, почему американцы меня об этом спрашивают. В нашей стране, с точки зрения иностранцев, есть много непонятного, но, к сожалению, большинство этих непонятных вещей не поддается объяснению. По крайней мере, я не могу их объяснить. Почему в Японии, которая считается одной из самых богатых стран мира, распространены случаи кароси – смерти от переработки? Почему отнюдь не умирающие от голода японские школьницы встречаются за деньги с мужчинами? Почему никто из японцев не жалуется на тансинфунсин – абсурдную командировочную систему, когда сотрудник ради интересов компании обязан бросить семью и уехать в длительную – иногда многолетнюю – командировку?

Фрэнк, не отрываясь, смотрел на баттинг-центр. «Видно, хочет битой помахать», – подумал я и сказал:

– Может, попробуешь?

С непонимающим видом Фрэнк взглянул на меня и как-то неопределенно кивнул.

Внизу располагались игровые автоматы. По железной лестнице мы поднялись наверх. Пространство, освещенное флуоресцентными лампами, было огорожено проволоочной сеткой и поделено на семь площадок. На этом ограждении в нескольких местах висели таблички с надписью: «Опасно! Сопровождающих просим не заходить в зону работы автоматов». Напротив каждой площадки находился специальный автомат, «стреляющий» мячами. Площадки отличались одна от другой только скоростью подачи мяча. С левого края был расположен самый мощный автомат: со скоростью мяча 135 км/ч. А справа размещался самый слабый – мяч вылетал из него со скоростью 80 км/ч. На площадке мог находиться только один человек. Так что сопровождающие должны были ждать за проволоочным забором.

Кроме нас в баттинг-центре были еще трое. Пьяная парочка и молодой парень в спортивном костюме, который молча отбивал один за другим прилетающие мячи. Что касается парочки, то мужчина стоял на площадке с битой в руках, а женщина ждала за забором и активно болела. Перед каждым ударом она выкрикивала: «Даеть хоум-ран!²¹» Но ее пьяный партнер, с трудом стоявший на ногах, большей частью просто не попадал по мячу. «Не сдавайся! Не сдавайся!» – с серьезным лицом продолжала выкрикивать женщина.

Не знаю, кого они пытались победить.

Пространство за проволоочным забором было самой обычной крышей, наподобие захлавленного полустанка продуваемой со всех сторон ветром. Дежурный, развалившись на стуле, спал в маленькой будке, типа тех, что стоят при въезде на платную автостраду. Ему, похоже, было тепло – у стены в керосиновой печке, превращаясь в оранжевое пламя, сгорал керосин. Сверху на печку был водружен металлический чайник. Спящий был одет в футболку. Снаружи, по другую сторону стены, которую изнутри подогревала печка, на развернутой картонной коробке лежал бомж. Бомж читал какой-то еженедельник, держа в руке пластиковый стаканчик из-под моментальной лапши.

– В Америке таких мест нет, – наконец сказал Фрэнк, а я подумал, что и в Японии таких мест почти нет.

Стена с вмонтированными в нее автоматами была погружена во тьму. Только на двух работающих механизмах горели маленькие зеленые лампочки. В перерывах между песнями Юки Учиды, которые лились из допотопного динамика, по форме напоминавшего громкоговоритель, был слышен громкий щелчок пружины после каждого выстрела и лязг конвейера, который подавал рассыпанные по полю мячики к автоматам.

Парень в спортивном костюме уже вспотел, мастерски отбивая все мячи. Но – что вполне естественно – как бы здорово он ни отбивал, даже самый удачный его мяч все равно не долетал

²¹ Удар бьющего, при котором мяч, не касаясь земли, пересекает зону игры и улетает за пределы поля.

туда, где на верхней сетке красовалась овальная табличка с надписью «хоум-ран». Табличка эта вся потрескалась, и букву «М» снизу было не видно.

– Хочешь мячики поотбивать? – спросил я у Фрэнка.

– Нет, я что-то устал. Хочу отдохнуть немного. Может, лучше ты попробуешь, Кенжи? А я посмотрю. По-моему, очень удачная идея, – ответил Фрэнк и, притащив от будки дежурного складной стул, уселся на него с довольным видом.

Пока Фрэнк ходил за стулом, бомж глядел на него во все глаза. А когда Фрэнк спросил по-английски: «Кто-нибудь пользуется этим стулом?», бомж вместо ответа в очередной раз приложился к грязноватой емкости, в которой плескалось что-то прозрачное и многоградусное – то ли водка, то ли рисовый самогон. По крайней мере, никаких сомнений в том, что в пластиковом стаканчике находился алкоголь, и быть не могло. Характерный запах спиртного долетал даже до меня. Впрочем, и от самого бомжа исходил довольно сильный запах.

– Он тут живет, что ли? – спросил Фрэнк, усевшись на стул.

– С чего ему тут жить, – ответил я, думая о том, что в такой холод, конечно, неплохо было бы поразмяться немного с битой, но с Фрэнка, похоже, на этот раз будет не так-то легко получить деньги. Хотя я нормально отношусь к бейсболу и вполне могу заплатить за вход триста йен из своих. Но я же не ради собственного удовольствия сюда пришел.

Конечно, отчасти мне просто надоело шататься по улице, но, с другой стороны, когда мы ждали в «глазке» своей очереди, Фрэнк рассказывал мне, как в детстве играл с братьями в бейсбол. Так что можно сказать, что я пришел сюда ради него. То есть по работе. Между прочим, он мне так еще и не отдал триста йен за пурикуру... Я понимаю, это мелочи, но я же с самого начала предупредил: клиент всю дорогу платит за сопровождающего. Мне бы не хотелось, чтобы Фрэнку вдруг взбрело в голову, будто он мой дружок или что-то в этом роде. Но я никак не мог заставить себя потребовать у него денег. Наверное, из-за усталости. Почему-то я чувствовал себя жутко усталым.

– Он бомж, что ли?

– Ага. Бомж.

Было очень холодно, и говорить совсем не хотелось. Так и простудиться недолго. За нашими спинами высилось здание автостоянки. Впереди, сквозь проволоку, была видна неоновая вывеска лав-отеля. Фрэнк, как можно плотней, вжался в свой стул. От холода у него покраснел нос. Сидя абсолютно неподвижно, Фрэнк одними глазами следил за бомжом, продолжавшим через равные промежутки времени прикладываться к стаканчику с алкоголем.

– А почему его никто не выгоняет?

– Неохота возиться.

– Между прочим, в парках и у станций тоже живут бомжи. Я даже не думал, что в Японии столько бомжей. А это правда, что в Японии есть молодежные банды, которые нападают на бездомных?

«Неужели ему совсем не холодно?» – подумал я и сказал:

– Правда.

– Правда? Ну надо же. А что ты по этому поводу думаешь, Кенжи?

– Ну... По-моему, с этим ничего нельзя поделать. Во-первых, бомжи воняют, да и вообще, как ни посмотри, они крайне несимпатичные люди.

– А... так все дело в запахе? Получается, что запах – это основная причина нашей ненависти или любви к другому человеку... В Нью-Йорке тоже есть уличные банды, которые охотятся за бомжами. А так как у бомжей никаких ценных вещей не бывает, то эти ребята просто издеваются над ними – получают удовольствие от насилия. Например, с помощью какой-нибудь железяки вырывают бездомным старикам все зубы, один за другим. Или насилюют свою жертву...

«Чего это он вдруг об этом заговорил? В такое время, в таком месте...» – подумал я.

Мимо нас, почти волоча своего качающегося друга, прошла женщина, которая до этого кричала: «Не сдавайся!» Видимо, ее партнер совсем утомился, и они наконец-то решили пойти домой. Парень в спортивном костюме продолжал тренировку.

На продуваемой со всех сторон крыше было очень холодно. У меня даже возникло ощущение, будто бы от живота и ниже я остался без одежды. Особенно мерзли ноги. Почти во всех окнах лав-отеля горел свет. Этот блеклый, пошловатый свет почему-то напомнил мне слова Тихони, в тесной кабинке «глазка». Тихоня сказала: «Я никогда еще не видела, чтобы у мужчины, которому дрочат, было такое лицо»... Вспомнив это, я сообразил, что так и не узнал у Тихони, кончил или не кончил Фрэнк в «глазке». Хотя сейчас это уже не имело никакого значения... Интересно, какое же у него было лицо?

– Может быть, тебе неприятно об этом говорить? – спросил Фрэнк.

Я кивнул и подумал, что если он с самого начала знал, что мне неприятно, мог бы и не начинать этот разговор.

– А почему? Почему тебе неприятно разговаривать о том, как молодые придурки издеваются над вонючими бомжами? Наверное, потому, что ты сразу представляешь себе, как все это происходит... Но почему это зрелище считается неприятным? А при виде пахнущего молоком младенца, наоборот, все невольно начинают улыбаться... Кто изначально решил за нас, какой запах приятен, а какой отвратителен? Наверное, во всем мире нет ни одного человека... Вернее, я хотел спросить, неужто во всем мире нет ни одного человека, которому бы вдруг захотелось прижаться щекой к бомжу... человека, который невольно захотел бы убить младенца. А, Кенжи? Как ты думаешь? Мне почему-то кажется, что такой человек обязательно где-нибудь есть...

От этих разговоров у меня совсем испортилось настроение.

– Я пойду поиграю, – сказал я и отправился на площадку.

Цементный пол в баттинг-центре шел не ровно, а слегка под наклоном, чтобы пропущенные мячи скатывались на конвейер, и почему-то этот пол был густо выкрашен белой краской. Однако в свете флуоресцентных ламп белый цвет приобрел какой-то мертвенный оттенок. Сквозь ячейки забора помаргивали неоновые вывески лав-отелей, тускло светились окна. «Какое безрадостное зрелище», – подумал я и приступил к разминке. Окончив разминку, я выбрал из трех бит самую легкую. Потом закинул в щель специального аппарата три монеты, и над автоматом с надписью «100 км/ч» зажглась зеленая лампочка. Мотор загудел, и сразу же из темноты на меня вылетел белый резиновый мяч. Сто километров в час – довольно приличная скорость. Я не успел подготовиться к удару и промахнулся.

Фрэнк пристально следил за моей неумелой игрой. Я чувствовал на себе его взгляд. После очередного моего промаха он поднялся со стула и двинулся ко мне. Подойдя вплотную к забору, Фрэнк сказал:

– Кенжи, что с тобой? Он же прямо на тебя летел!

Не знаю почему, но меня чуть не стошнило от отвращения. Кто бы говорил, урод!

– Кенжи, посмотри на того парня! – Фрэнк указал пальцем на обладателя спортивного костюма, игравшего через две площадки от меня. – Он классно играет! Быстро, сильно. Классная реакция у человека – еще ни одного мяча не пропустил.

Парень от души лупил по мячам, отправляя их прямо по центру. Сразу было видно, что это не любитель. Слишком быстрый у него был удар. Я подумал, что он, наверное, один из тех профессионалов, которые зарабатывают себе на жизнь, играя по утрам в непрофессиональной лиге. Мне кто-то рассказывал, что в этом квартале живут несколько таких профессионалов-неудачников. Чаще всего это бывшие тренеры секций или спортивных клубов, потратившие все свои деньги на женщин и наркотики либо проигравшиеся в пух и прах. Таким людям ничего не остается, кроме как предлагать свои услуги любительским командам. За каждый

хоум-ран они получают двадцать тысяч, за каждый отбитый мяч – пятьсот йен. Поэтому, чтобы не умереть с голоду, им надо быть в форме, а для этого необходимы тренировки.

– Я с самого начала наблюдаю за тобой, Кенжи, ты ни одного мяча не отбил как следует. А ведь твоя машина стреляет медленнее, чем его. Твои-то мячи гораздо медленнее летят.

– Я знаю! – немного повысив голос, ответил я. И тут же снова промахнулся.

– Ну что же это такое?! – покачал головой Фрэнк. – Господи боже мой! Мяч же еле двигался, ну как можно было не попасть?!

Это меня просто взбесило. Я несколько раз взмахнул битой для разогрева и сосредоточился на игре.

Но Фрэнк не унимался: «Это проклятье. Бог оставил тебя...» Я не выдержал и заорал:

– Заткнись! Ты бубнишь у меня за спиной, и я никак не смогу сосредоточиться!

Фрэнк вздохнул и снова покачал головой:

– Кенжи, а ты слышал историю про Джека Никлауса? Есть такой известный гольфист. На одном из соревнований он готовился к решающему пату²² и так сосредоточился – что даже не заметил, как ветром у него сорвало с головы кепку. Вот это я называю «сосредоточиться»!

– Не знаю я никакого Джека Никлауса, – сказал я. – Просто помолчи, ладно? Очень тебя прошу. Если ты замолчишь, я покажу тебе, что такое хоум-ран. Прямо в табличку попаду!

Фрэнк хмыкнул, кивнул и произнес без всякого выражения:

– На что спорим, что не попадешь?

Мне такой поворот дел очень не понравился. Кто бы мог подумать, что Фрэнк из любителей побиться об заклад. Неужели он, скотина такая, заранее все просчитал, и весь разговор был просто вступлением, ненавязчиво подводящим к ключевой фразе: «На что спорим?»

«Вот урод», – подумал я, вглядываясь в его бесстрастное лицо. Но отступать было поздно.

– Ну давай поспорим на что-нибудь, – сказал я.

Подчеркнутое безразличие, написанное на роже Фрэнка, настолько взбесило меня, что я потерял способность трезво мыслить, которой так гордился.

– Кенжи, предлагаю следующие условия: если из двадцати мячей хотя бы один попадет в табличку – ты победил. Тогда я заплачу тебе за сегодняшнюю работу в два раза больше, чем мы договаривались. Но если ты ни разу в табличку не попадешь, тогда выигрываю я. И в таком случае считаем, что ты работал сегодня бесплатно. По рукам?

«По рукам», – чуть было не ответил я, но вовремя остановился.

– Так нечестно, Фрэнк.

– Почему это?

– Потому что если ты выиграешь спор, то весь мой заработок пропадает. Вся моя сегодняшняя работа – коту под хвост. А если выиграю я, то ты всего лишь заплатишь мне в два раза больше. Это нечестная игра.

– И что ты предлагаешь?

– Если я проспорил – то ты платишь мне за работу только половину суммы. Если ты проспорил – то я получаю двойную оплату. Логично, правда?

– То есть если ты победишь, то я должен буду тебе заплатить... двадцать тысяч плюс доплата за два часа – еще двадцать тысяч, это сорок тысяч. Умножить на два, получается восемьдесят тысяч йен. Так?

– Ага, – ответил я, немного удивившись, что Фрэнк так хорошо запомнил мои объяснения по поводу оплаты. Впрочем, это лишний раз доказывало, что он самый обычный американец. Заключив сделку, американец никогда не забудет ее условия. Каким бы он ни был пьяным, как бы ни кружилась у него голова от созерцания полуголых баб – все, что касается дела, он будет помнить до мелочей.

²² Легкий удар в гольфе.

– Тогда твой вариант тоже нечестный. Потому что если ты выиграешь, то ты заработаешь лишних сорок тысяч, а я при своем выигрыше получаю прибыли только двадцать тысяч. – Сказав так, Фрэнк пристально посмотрел мне в глаза и вдруг выпалил:

– Да ты просто жмот!

Наверное, это все-таки была провокация. Я так и не понял. В любом случае я клюнул на эту удочку:

– Ладно. Тогда играем на тех условиях, которые ты вначале предложил.

Услышав это, Фрэнк криво усмехнулся. Он сказал, что заплатит за эту игру, и полез во внутренний карман пиджака за монетницей. Обкусанными ногтями выковырял из пластикового цилиндрика три монеты по сто йен и протянул мне. «Вон сколько у него мелочи. Почему же он не заплатил за пурикуру?» – подумал я, забирая у Фрэнка деньги.

– А сколько мячиков ты получаешь за триста йен?

– Тридцать.

– Ладно. Тогда первые десять – для тренировки, а начиная с одиннадцатого – играем на спор.

«Ты посмотри, он уже и посчитать все успел», – злобно подумал я. Хитрый какой попался. Надо с ним поосторожней. Он наверняка следил за этим полупрофи и заметил, что даже его центровые мячи до таблички «хоум-ран» не долетают.

Когда я приехал в Токио из Сидзуоки, первые четыре месяца я учился на подготовительных курсах и вдобавок подрабатывал носильщиком. В свободное от работы и учебы время, если погода была хорошей, я часто ходил в баттинг-центр на берегу реки Тамагава. От того места, где я снимал квартиру, ехать туда было две остановки на метро. Там, как и в любом баттинг-центре, под потолком висела табличка с надписью «хоум-ран». Кто попадал в табличку, получал приз. Либо плюшевого медвежонка, либо купон на пиво. Одно из двух. В среднем я делал за день по сто ударов. И ни разу за эти четыре месяца я в табличку не попал.

Правда, один раз я видел, как в нее все-таки попали. Расстояние от пола площадки до натянутой наверху сетки примерно метров двадцать. Табличка висит на высоте пятнадцати метров от пола. Размером она примерно метр на полтора. Обычным прямым ударом в нее никак не попадешь. Человеком, который выиграл плюшевого медвежонка в баттинг-центре на берегу Тамагавы, стала одна везучая старушка. Она абсолютно наугад подставила биту под мяч, но так удачно, что мяч свечой взлетел под потолок и угодил ровнехонько в надпись «хоум-ран»...

Издав стон, машина заработала. Десять «тренировочных» мячей закончились очень быстро. Делать было нечего, я расслабил мышцы плеча и старался принимать мячи ровно на середину биты. О том, что, если плечи напряжены, удар почти никогда не удастся, я первый раз услышал от своего отца. Мне тогда было не то семь, не то восемь. Отец работал инженером-строителем и большую часть времени проводил в командировках – в основном в южно-азиатских странах, хотя иногда его отправляли и за океан. Здоровьем папа похвастаться не мог, но спортом очень интересовался, любил смотреть спортивные передачи.

Именно он подарил мне первую перчатку.

– Смотри на мяч! – всегда говорил отец, запуская в меня мячом.

Первый мяч я отбил ровно по центру. Он взлетел вверх и с громким хлопком ударился в сетку. Я услышал, как Фрэнк восхищенно вздохнул за моей спиной. До таблички «хоум-ран» всего двух метров не хватило. Второй мяч я тоже принял неплохо, но немного низковато. Пролетев по плавной дуге, он стукнулся в проволочный забор позади автомата. «Хорошенько смотри на мяч!» – повторил я несколько раз про себя.

Не думаю, что отец часто играл со мной. Он и так целыми днями пропадал на работе, а когда начался проект по строительству мостов в Малайзии, он лишь изредка приезжал на несколько дней домой. Но до сих пор мне снится, как я играю с ним мяч.

Третий удар получился низким. Он перелетел через линию третьей базы, но к «хоум-рану» это не имело никакого отношения. Четвертый и пятый мячи я отбил плохо, один за другим они, подскакивая, покатались по полю. После десятого удара, когда я пытался сосредоточиться на мяче, перед моими глазами снова возник отец. Я и думать забыл о Фрэнке. Отец заполнил собой все мои мысли.

Мама часто говорила, что он был очень безответственным и все воспринимал как игру. Но ребенок не может так думать о своем отце. Незадолго до своей смерти – он умер от какой-то болезни легких – папа сказал: «В этой жизни остались только две вещи, которые я хотел сделать и не успел. Первая – я так и не увижу тот мост, который строил, вторая – я так и не научил Кенжи плавать...»

Я часто думаю, что своим горячим желанием поехать в Америку я обязан именно отцу. Он приезжал домой редко и ненадолго, а уезжая, выглядел очень довольным. Мама говорила, что у отца в Малайзии есть другая женщина, но я думаю, что дело не только в этом. Что-то еще заставляло отца каждый раз радостно волноваться перед отъездом. Когда я думаю об этом теперь, я понимаю, что больше всего любил именно того отца – с чемоданом в руке, с этим вечным «ну все, я поехал». И я всегда думал, что придет день, когда и я скажу кому-нибудь: «Ну все, я поехал» и уеду далеко-далеко.

Четырнадцатый мяч я изо всех сил подбил снизу. Он резко, почти отвесно взлетел под потолок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.